

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ
в Ѣ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
О Б И Т А Ю Щ И Х Ѣ
Н А Р О Д О В Ѣ,
такъ же
и х Ѣ ж и т е й с к и х Ѣ о б р я д о в Ѣ, в ѣ р Ѣ,
о б ы к н о в е н і й, ж и л и щ Ѣ, о д е ж д Ѣ,
и
п р о ч и х Ѣ д о с т о п а м я т н о с т е й.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я.
С Е М О Я Д С К І Е, М А Н Д Ж У Р С К І Е
и
В О С Т О Ч Н Ы Е С И Б И Р С К І Е
Н А Р О Д Ы.

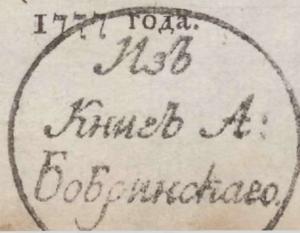
П е р е в е д е н о с ѣ Н ѣ м е ц к а г о .

П Е Ч А Т А Н О В Т С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Т

и ж д и в е н і е м Ѣ к н и г о п р о д а в ц а К . В . М и л л е р а ,

у с о д е р ж а т е л е й в о л ь н о й т и л о г р а ф і и В е й т б р е х т а и Ш и о р а ,

1777 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Любители свѣдѣній, касающихся до всѣхъ народовъ въ Россіи обитающихъ, найдутъ въ сей третіей части описаніе Семоядскихъ, Манжурскихъ и разныхъ народовъ Восточной Сибири и острововъ Восточнаго моря; а. на послѣдокъ краткое извѣстіе о употребительномъ у сихъ языческихъ народовъ Шаманскомъ идолослуженіи.

Виньетъ, въ началѣ сей части находящійся, изображаетъ, какъ Семояды свѣжую олени и при шомъ нупренность ѣдятъ сырую; такъ же, какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ. Видимый же въ концѣ виньетъ представляетъ Восточнаго островскаго жителя, въ байдарѣ своей сидящаго, имѣющаго на себѣ тюленное одѣяніе и деревянную шляпу, подобную ушинуму носу; шутъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою.

Для шѣхъ, которые сочиненіе сіе покупаютъ съ картинами, простыми или раскрашенными, служитъ слѣдующее рописание принадлежащихъ къ сей части изображеній.

№ 56. Семоядъ, 57. Семоядка, 58. Семоядка въ лѣшнемъ одѣяніи, 59. 60. Тунгузы въ такомъ одѣяніи, въ какомъ

какомъ ходящъ на звѣриной промыселъ, 61. Тунгузъ съ пылу, 62. 63. Тунгузской Шаманъ съ переди и съ пылу, 64. Камчадалъ, 65. 66. 67. Камчадалки, 68. Камчадальской Шаманъ, 69. Корякъ, 70. Корякъ же въ праздничномъ платьѣ, 71. Корячка, 72. Чуцкой жипель въ одѣяніи, 73. Онъ же безъ одежды, 74. Алеушъ, 75. Курилецъ.

Что же касается до четвертой и послѣдней сего сочиненія части, то уповаю, что и оная будетъ вскорѣ напечатана съ присовокупленіемъ къ оной общаго шипула для всѣхъ частей, также предисловія, росписей и послѣднихъ картинъ.

Издатель.

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ Западной сторонѣ Уральскихъ горъ или
 прямыя Россійскіе Семояди сдѣлались правда подданными
 уже Царю *Теодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдова-
 тельно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надесять сто-
 лѣтій Сибирскихъ народовъ: но касающіяся до нихъ и до при-
 надлежащихъ къ нимъ колѣнъ происшествія такъ, какъ и бы-
 тія всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены
 въ неисповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пу-
 стыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоти, ни счисленію вре-
 мени, знаютъ обстоятельсва своего происхожденія, единопле-
 менсва, спранствованій и прочаго не больше, какъ сколько мо-
 гутъ почерпнуть о томъ свѣденія изъ изустныхъ преданій,
 древнихъ пѣсень и сказокъ о своихъ богатыряхъ и предкахъ,
 Часть III. также

также о справахъ, горахъ, рѣкахъ и пакъ далѣе, по близости которыхъ жили они въ старыя времена: но такое знаніе малымъ чемъ превосходитъ и совершенное невѣденіе.

Сами они наблюдаютъ правда между собою по поколѣніямъ своимъ спрогой союзъ, и рѣдко вступають съ чужими въ бракъ; да и то одни только женщины переходятъ въ другія поколѣнія. Не меньше приспоспобы они къ своему языку и къ прародительскимъ обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ отъ части не въ старинныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, которыхъ лишили ихъ Татара въ четвертомъ десятилѣтіи, отъ части же опещившихся на побѣгъ отъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкоторые токмо народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи. А какъ не спарались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различать; по названію многихъ отъ части перемѣшаны, отъ части переломаны, отъ части же своевольно выдуманы и даны. Татара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ Уштяками. У Россіянъ почти споль же обще употребляющія названія Семоядь и Отяки. Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою отъ части Сѣверными только лицами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напротивъ того ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Ошякскія колѣна называются Семоядью, а Семоядскія Отяками, какъ отъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители Тарханской волости на рѣкѣ Обѣ, по собственному ихъ преданію, Татарской породы, и обитали прежде на Ирпышѣ неподалеку отъ устья Тобола: но по елику ихъ обрѣли между Семоядью, то и причислили ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пустынь сихъ народовъ никшо еще изъ ученыхъ испытателей не бывалъ; и есть не мало такихъ колѣнъ, изъ коихъ видны въ ихъ предѣлахъ одинакіе только выходцы. Путешествующіе въ тамошнихъ мѣстахъ собиратели податей и надзиратели, думаютъ сверхъ должности своей о шоргахъ и прибыли болъше,

ше, нежели о приобретѣнїи нужныхъ свѣденїй, и по привычкѣ едва и самыя спранные предмѣты кажутся имъ достопамятными.

По моему намѣренїю, которое клонится къ тому, чтобы описывать больше нынѣшнее состоянїе обитающихъ въ Россїи народовъ, нежели древнїя ихъ бытїя, служашъ мнѣ вѣрнымъ руководитвомъ труды славныхъ нашихъ Историковъ, а именно г. Спашскаго Совѣтника Миллера Собранїя Россїйской исторїи, и г. Профессора Фишера Сибирская исторїя, а особливо сообщенные мнѣ первымъ рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласїю различныхъ общаго языка нарѣчїй, и по сходству вида и житїя, должно почитать, кромѣ настоящихъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкоторыя къ Опякамъ причисленныя поколѣнья и разныя небольшїе Красноярскїе остатки народовъ, о коихъ упомянуто въ описанїи Таттарскихъ народовъ, какъ то, Коибалъ, Маторовъ, Тубинцовъ, Камачинцовъ, Каракассовъ и Саятовъ, единоплеменными Семояди по ихъ произхожденїю. Вѣроятно кажется, что они во время побѣга своей братїи въ склонившїяся больше на Сѣверъ пустыни, оспались у побѣдоносныхъ Таттаръ въ ихъ жилищахъ, или скопились изъ спасавшихся бѣгствомъ отъ жестокости Таттаръ.

С Е М О Я Д И.

Семояди называются сами *Нинечами* (людьми) и *Хозовами* (мужами). Если слово *Семоядь* произведено отъ Финскаго языка, то производитъ оно, можетъ быть, отъ *Самеанди*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болото, по тому, что въ пустыняхъ ихъ есть обширныя болота. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ назывались они и *Сырождцами*. У *Отяковъ* называются они *Еруихо*, у *Тунгузъ* *Джидаты*, и такъ далѣе.

Они живутъ около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азїи отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой *Лены*, въ Европейской Россїи особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и обще съ *Опяками*. Жилища ихъ начинаются почти отъ 65 степеня Сѣверной широты. Мѣсна ихъ болотны и гористы. Съ 67 степеня широты какъ по сему состоянію земли, такъ по причинѣ великой стужи, деревья уже не растутъ, но видны одни только кустарники, да и тѣ чемъ далѣе къ Сѣверу, темъ низменнѣе и рѣже спановятся. На *Новой Землѣ*, спустивъ устья *Оби*, они правда не живутъ: но за *Енисеемъ* на Востокъ простирающіяся обитаемые ими берега отъ части и до 75 степеня Сѣверной широты: по чему обширная ихъ область можетъ почтеться самою непроходимой, холодной, пустою и суровою частію земнаго шара.

Они раздѣляются на поколѣнья, а сїи на роды. Поколѣнья наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣютъ сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчїя общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россїи кочуютъ *Лаггское* и *Ванутское* поколѣнья, которыя обще называются *Объендырями*, и состоятъ только

Самоедь.
Ein Samojede.
Un Samojede.

только изъ 300 семей, между Мезеню и Печорою, слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около Печоры Тихидыри; въ Сибири живутъ Гуарычи вдоль береговъ морскаго Вайгашскаго пролива; около вершины Оби, между Обью и Енисеемъ, начиная отъ Мангазеи, еще многочислѣннѣе Юряки; а между Енисеемъ и Нижнею Леною не меньше людные Тавцы. Семояды вообще многочисленнѣе Опяковъ, но такъ же, какъ и тѣ, разбѣяна по чрезвычайно обширнымъ своимъ землямъ.

Семояды расту самаго небольшого, и рѣдко бывающъ ниже чепырехъ, а выше пяни фушовъ. Въ прочемъ они коренасты; ноги и шея у нихъ короткія, голова большая, лицо и носъ нарочито плоскія, нижняя часть лица немало выдалась въ передъ; ротъ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы тонкія, ноги маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣтъ, какъ по тому, что худо растутъ, такъ и для того, что оба пола съ молодости рачительно его выщипываютъ; въ прочемъ онъ у всѣхъ черной и жесткой. У мужчинъ виденъ на бородѣ одинъ только пухъ. Женщины ихъ постыжливѣе, ростомъ ниже, и черты лица ихъ пошлѣннѣе, но такъ же, какъ и мужчины, не красивы. Груды у нихъ маленькія и плоскія. Во преки утвержденіямъ нѣкоторыхъ писателей носятъ они плащное, однакожъ очищеніе бываетъ очень малое. Дѣтей рожаютъ начинающъ очень рано; иныя бывающъ у нихъ матерями на двенадцатомъ и на тринадцатомъ году; но они не очень плодородны и съ тринадцатаго году перестаютъ уже рождать. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясъ ихъ спраны конечно причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются: ибо ни что другое приращенію ихъ не препятствовало.

Семояды отважнѣе, дичае, и не столько благонравны и послушны, какъ привыкшіе больше къ Россіянамъ Опяки; при томъ они суевѣрны, не чужды природныхъ дарованій, ни къ воровству, ни къ убійствамъ не склонны, и ни къ чему не пристрастны ни мало. Многіе, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно лугливы. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятъ

увидяшъ нѣчто странное, и шакъ далѣе, то бывають шакъ, какъ и Лопарскія женщины, внѣ себя, и приходять паки въ чувство нескоро и при великой слабости. Иные не могутъ перепѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или спугу: и отъ того спановаятся бѣшены. Сіе свойственно имъ обще съ Опяками, Тунгузами, Якусами и всѣми въ ближайшихъ къ Сѣверу мѣстахъ живущими народами: по чему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ спрашилищахъ, которыми пугають ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ устройство было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣньями. Память нѣкоторыхъ богатырей, оказавшихъ мужество свое почти на одномъ только звѣриномъ промыслѣ, также семенистыхъ родоначальниковъ и славныхъ волшебниковъ, соблюдаютъ они въ сказкахъ своихъ и пѣсняхъ. По покореніи ихъ Россійской державѣ, построены въ округахъ ихъ отъ части для усмиренія, а отъ части и для собиранія подати, нѣсколько остроговъ; на что они сперва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и подать, которой раздѣленіе предоспавлено имъ на волю отъ ПЕТРА Великаго, платять по привычкѣ, хотя и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожъ безъ роптанія и супротивленія, добровольно въ опредѣленныхъ опдапочныхъ мѣстахъ. Подать же сія состоитъ въ разной мягкой рухляди, соболяхъ, лисицахъ и проч. и очень мало приносятъ казнѣ прибыли, по тому что Россійское правительство отнюдь подданныхъ своихъ не опягощаетъ великими взысканіями.

Кочуя безопасно въ своихъ пустыняхъ, не думаютъ они ни о численіи времени, ни о грамоти, ниже объ ученіи. Лунныя печенія называютъ они, по примѣру Опяковъ, по естественнымъ явленіямъ и относящимся къ онымъ ихъ упражненіямъ. У нѣкоторыхъ Семоядскихъ поколѣній есть шакъ, какъ и у иныхъ Опякскихъ, шакое обыкновеніе, что условясь между собою

собою о чемъ ни будь , выжигаютъ у себя на рукахъ, въ знакъ вѣрнаго исполненія обѣщанія, нѣкоторыя изображенія или клейма.

Зимнія свои хижины , которыя по двѣ и по три , а больше рѣдко, стоятъ вмѣстѣ , вырываютъ они, какъ и Опяки , до половины въ землѣ; поверхъ же ямины соспавляютъ наискось жерди и покрываютъ ихъ оленьими кожами или берестю. Летомъ кочуютъ они по у шой , по у другой рѣки или озера , и спаваятъ въ шаковыхъ мѣстахъ шиловатыхъ жердчатыхъ юрты, подобныя Тунгузскимъ , и покрываютъ ихъ такъ же, какъ и зимнія жилища. При перекочовкѣ не прогаютъ они съ мѣстъ юрточныхъ подпоровъ, какъ и Тунгузы , а берутъ съ собою одни только крышки. Они любятъ жить въ чистыхъ равнинахъ , которыя по болшей части у нихъ шундриссты, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ шаковъ же , какъ и у Опяковъ , и состоитъ больше ни въ чемъ , какъ въ щепяной посудѣ , кошлахъ , ножахъ , шопорахъ и саняхъ , которыя у нихъ называются Наршами. При перекочовкѣ употребляютъ они узкія санки , въ которыя впрягаютъ оленей , или , какъ по дѣлаютъ особливо ближе къ Востоку живущіе , собакъ , либо и сами ихъ везутъ.

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ , да въ содержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почестъся общими упражненіями и главнѣйшими опраслами пропитанія. Ради звѣринаго промысла кочуютъ они и зимою. Гуарычи перебираются по льду небольшими артелями черезъ морской Вайгачской проливъ , для звѣринаго промыслу на необитаемомъ и самую Семоядью островъ Новой землѣ. Въ странахъ ихъ водятся наибольше и къ наивыцшей ихъ пользѣ дикіе олени , которыми они наипаче питаются , кожами ихъ одѣваются , покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ , и такъ далѣе. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ водятся у нихъ наибольше бѣлые и черные лисцы , бѣлые медвѣди и нѣкоторыя другіе. Когда они , будучи на звѣриномъ про-

промыслѣ, далеко отъ мѣстъ своихъ отходящѣ; по дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякѣ употребляютъ непремѣнно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можетъ за нимъ слѣдовать и его отъискивать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, ловушки, лукъ, стрѣлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хопя и не велики, но весьма сильны. Звѣроловныя хитрости производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилѣжно упражняются они всѣ вообще зимою въ звѣриномъ промыслѣ, споль рачительно производятъ и лѣтомъ рыбную ловлю. Они не меньше Опяковъ въ томъ искусны и заимствуютъ отъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояди вообще скудны: однакожъ почти у всякаго есть по нѣскольку, а у иныхъ по 100, и по 150 смирныхъ оленей. Они ѣдятъ на нихъ верхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; ѣдятъ же только издохшихъ или изувѣченныхъ: однакожъ убиваютъ иногда для жертвоприношенія и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скотъ у нихъ приращается.

Женщины упражняются по примѣру Опячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянія, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушеніи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ растетъ кропива, тамъ прядутъ они ее пакъ, какъ Башкирки и другія, но не для пканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нитки, сѣти и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горноспавѣвъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убиты, либо околѣли отъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдутъ на берегу своемъ мертваго кита, то почищаютъ сіе благодатью и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по тому, что многіе люди питаются

платятся онѣмъ нѣсколько дней во изобиліи. Пищу готовятъ споль же просто и неопряшно, какъ и Опяки. Чепыре, пяшь и больше семей варяшъ нерѣдко въ одномъ кошаѣ, и при томъ ни когда его не чистя. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ вседневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варяшъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часто и дома, ѣдятъ мясо какъ оленье, такъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почищается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варяшъ. Они любяшъ веселость отъ упоенія производящую, и по тому куряшъ чрезвычайно много шабаку, ѣдятъ по примѣру Опяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а тѣ, которые могутъ посѣщать Россійскія селенія, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь и вино. Вообще живущъ они ни мало не опряшнѣе и не лучше Опяковъ; шокмо сіе у Семояди не столько примѣтно по тому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другія мѣста.

Семоядское одѣяніе въ разныхъ ихъ поколѣнїяхъ не очень опрѣнно, и весьма походитъ на Опякское, а отъ части и на Якушское. Зимнее одѣяніе дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, опушается по большой части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брюшчатымъ мѣхомъ, отъ части и изъ подбрюшинъ гагаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое надѣвается, волосомъ или перьями на ружу, и подпоясывается около шѣла поясомъ. Перяныя одежи такъ, какъ у нѣкоторыхъ и кожаныя, окладываются часто по Якушскому обыкновенію въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которымъ украшаются такъ же и швы. Шолы простираются до самыхъ икръ, а у нѣкоторыхъ только по колѣна. Шшаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долгіе сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ шшаны и сапоги изъ одного покрою, разпещряютъ тѣ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западныя или Архангелогородскіе

Семояди застегиваютъ мѣдными изв города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣля у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ тѣлѣ. Лѣтняя одежда шьется изв рыбихъ шкурокъ, которыя такъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въпереди не сходясь, и по большей части на Якутской образецъ, то есть короткополая; по краямъ и швамъ нерѣдко разпещряется узорчатымъ шипьемъ и опускается. Лѣпомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изв звѣриныхъ кожъ, которыя иногда шакъ, какъ у Опяковъ, прикрѣплены бываютъ и къ одеждѣ.

Женское одѣяніе столь мало различается отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и различать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и виднѣе. Обыкновенно украшается оно спроченьемъ и недурными вычурами, которыя нашиваются звѣриными жилами; такъ же кунными, собольими и изв бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, такъ какъ и бахрамою изв длинныхъ волосъ. Часто выкладываютъ они одежду свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокихъ или яркихъ цвѣтовъ, въ большой перстъ шириною, такъ же бисеромъ и брякушками. Шпаны носятъ обыкновенно кожаныя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изв рыбихъ, а на зиму изв звѣриныхъ кожъ. Бабы заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя черезъ плечи проспираются вдоль груди; дѣвки же носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣля, то дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большей части еще и лучше бабъ. Лѣпомъ ни чего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черными или иными какими теплыми шапками, которыя подвываютъ подъ подбородкомъ.

Они берутъ за себя столько женъ, сколько купить могутъ, и даютъ за каждую отъ пяти до двадцати оленей. Больше такихъ, которые имѣютъ по одной женѣ; но у нѣкоторыхъ есть и двѣ, а у иныхъ и три: по чему многіе бѣдняки оспаютъ холосты или принуждены бываютъ брать тѣхъ, на которыхъ

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts.
Femme Samojede par devant.

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
 Eine Samojedin im Sommer-Kleid.
 Femme Samojede en habit d'été.

которыхъ никто и не глядитъ. Не хопя женишься на роднѣ, ищущъ всѣ себѣ невѣстѣ въ другихъ поколѣньяхъ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайне сопротивляющаяся невѣста къ санямъ и опвозится къ жениху въ юршу. Произходящіе шущъ свадебные обряды сходны съ Опякскими; да и самую сохранность и нецѣломудріе такимъ же порядкомъ награждаютъ они и наказываютъ. Мужъ называетъ жену Ну, (хозяйка!) а жена мужа Хозова, (хозяйинъ!). Жены родящъ чрезвычайно легко, и безъ всякихъ почти мученій и припадковъ. А какъ скоро роды спанущъ хопя иѣсколькѣ тяжелы, то начинаютъ подозрѣвать на нихъ въ побочномъ соншїи съ другими мужчинами: по чему и стараются принудить ихъ при шаковыхъ обстоятельспвахъ къ признанію, дабы соблазнительей, которыхъ оправданія совсемъ не принимаются, принудить послѣ къ удовлетворенію, хопя въ прочемъ и бездѣльному. Мальчикамъ нарекаются имена спустя иногда и пять лѣтъ; а дѣвкамъ нерѣдко и вовсе оныхъ не даютъ.

Женской долѣ по Семойдскому разсужденію нечистѣ: по чему и поступающъ они съ нимъ презрительно, а ошѣ часпи и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ жестокость сію больше, нежели дочери, въ пользу которыхъ возпламеняется родительская любовь: по чему и упорство ихъ при выдаваніи ихъ за мужъ не всегда бываетъ прищворное. Пока жены родящъ еще дѣтей, до шѣхъ поръ все могутъ надѣяться на пощаду, которая съ приращеніемъ ихъ старости вовсе пропадаетъ. Они опнюдъ не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но пипаются только темъ, что послѣ ихъ останешся. Въ юршѣ должны они сидѣть всегда на своей сторонѣ, и такъ же, какъ и Буряшки, никогда не ходящъ около огня, которому присвоешся свяпость; да сверхъ того мѣста, на которыхъ сидѣли они въ юршѣ или въ саняхъ, и вещи, кои они употребляли, такъ какъ и самихъ себя должны они окуривать надъ подожженнымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣдъ челошѣка или оленя, но надобно оставать я на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходить около оныхъ, но надлежитъ пролѣзать въ оныя промежъ жердей. Много естъ у

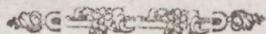
Б 2

нихъ

нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпостей. А особливо поступающъ они съ женами своими крайне презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первые восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣющъ они ни къ ѣспвѣ прикасаться, ниже мужьямъ чюю ни есть подавать; не ѣдящъ убишой недавно живности, и пакъ далѣе. Сіе опчужденіе оканчивается порожественнымъ окуриваніемъ надъ подожденнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ шамъ, гдѣ кто умрешъ. Они надѣвающъ на умершаго самое лучшее платье, заверпывающъ его въ оленью кожу, выносящъ изъ юрты не дверями, но въ боковой ходъ, и зарывающъ въ весьма мѣлкой могилѣ, копорую при недоспакѣ нужныхъ къ тому орудій немалого труда спощимъ имъ вырыщъ въ мерзлой и каменистой землѣ: по чему зимою зарывающъ иные покойниковъ шолько въ снѣгъ, а хоронящъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляющъ ихъ нерѣдко опъ сего труда. Въ могилѣ опрокидающъ надъ покойниковою головою кошелъ, да сверьхъ шого кладущъ шуда же ему про запасъ и другой домашній скарбъ, а особливо лукъ и спрѣлы. Послѣ погребенія укрощаетъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не безокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычь, и пакъ далѣе. Въ заключеніи убивается при могилѣ олень въ жершву, копорая пущъ же и снѣдается. Зажипочные возобновляющъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служипъ у нихъ ни къ чему больше, какъ шолько къ обезпощиванію онаго: и по тому говорящъ они объ умершихъ всегда обиняками и вскорѣ предающъ ихъ забвенію.

Они содержатъ языческой законъ по Шаманскому толкованію, о копоромъ буду говорищъ послѣ. Идолами служипъ имъ деревянныя куклы или спираннаго вида камни. Порубежные съ Опяками приемающъ и въ идолослуженіи ихъ учасшіе. Священнослужителей своихъ (Тадибъ) почищаютъ, и предоставляютъ имъ служеніе добрымъ и злымъ существамъ. Сами же они безприсраспны, да почти и безчувственны въ разсужденіи своихъ собственныхъ какъ нынѣшнихъ, пакъ и будущихъ судьбъ.

К О И Б Л А Ы.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыя одинакожъ всѣ совокупно платяшъ подушной окладъ только за 402 души; и слѣдовательно могутъ почесаться малымъ оспапкомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верьху Енисея, за Абаканомъ по обѣ спороны Енисея, неподалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уѣздѣ.

Разположеніе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Татарское. Языкъ ихъ есть такъ же смѣшанное со многими Татарскими словами Семоядское нарѣчіе.

Они упражняются больше въ скотоводствѣ и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водятся лошадей по спу, по спольку же рогатаго скота, по значнѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшіе только саломъ оплывшіе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себѣ оныскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотинѣ шемъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и шемъ ее кормяшъ. Многіе, да и большая половина, послѣдуя Рускимъ людямъ, пашутъ немного земли и умѣютъ при томъ употреблять Рускую соху. Нѣкоторые изъ такихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у таковыхъ водятся и куры, жопя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей пищи и никогда не держашъ. Звѣриной промыселъ всѣ любяшъ; да онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденіи домашняго скрбу, одѣянія, лица и нравовъ мало разнятся они отъ Красноярскихъ Татаръ, ниже и по близости которыхъ они живутъ. Веревки и канашы, на укрѣпленіе юртъ и на другія надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго

(*) *Lepus alpinus*, Pallas.

льну и кропивы. Коибалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о которыхъ буду говорить послѣ.

Бабы родящъ стоя на колѣняхъ, и при томъ такъ легко, что въ четвертой день принимающа уже и за обыкновенныя свои дѣла.

Коибалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому толкованію: но *нынѣ* всѣ уже крещены; да и отъ языческаго своего суевѣрія отъ часу больше уклоняюща. Они хоронящъ теперь всѣхъ покойниковъ въ землѣ; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣтей ставили, по Белшырскому обыкновенію, для исплабнѣя на дерева. Роженицы почитающа и нынѣ еще четырнадцать дней нечистыми, и очищающа отъ сего оскверненія мышьяемъ и окуриваніемъ себя ирвнемъ (*).

С А Я Т Ы.

(*) Sabina.

С А Я Т Ы.

Саяты называются такъ же Суїотами и Соїотами; он и-
вупшъ на вышшихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ
Байкала у Монгалскихъ границъ, а опшъ часпи и за оными на
Кишайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны.
Число плавающихъ Россіи данъ почти соотвѣтствуетъ количе-
ству Коибалъ.

Единоплеменство Саятшъ съ Семоядью доказываея ихъ
видомъ, языкомъ и житейскими обрядами; но при помѣ въро-
япно кажея, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у ко-
порыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по
имени Соитъ, копорымъ самимъ, или можешъ бытъ и преемни-
ками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводителѣ
своемъ назвали себя Саятами.

Какъ Россійскіе, такъ и Кишайскіе Саяты, бѣдны и ко-
чуютъ въ жудыхъ бересною покрытыхъ лѣпныхъ юртахъ въ
пустыхъ горахъ, и опшъ часпи держатъ по немногу оленей,
большая же половина ни какихъ живошныхъ, кромѣ собакъ, у
себя не имѣетъ, и живешъ бѣдно и неопряпно, получая про-
питаніе опшъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкопорыхъ
дикихъ кореньевъ.

Законъ содержитъ всѣ языческой по Шаманскому толкованію.
Въ одѣяннн же, обрядахъ и правахъ ни мало не разняшя опшъ
Коибалъ и Маторовъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

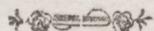
МАТОРЫ.

Маторы называются сами *Матами* и *Маторь-Даймаками*. По завоеваніи Сибири Россіянами, обрѣнены они въ нынѣшней своей области, по еспѣ неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго острога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвластны они были Хану Золотой Орды; Россіи же начали плащипъ дань въ 1609 году. Въ послѣдующія времена бывали они въ подданствѣ по у Киргизцовъ, по у Соонгаръ. Какъ по сему общояпельству, такъ и чрезъ сопряганіе съ себя чужой власпи совсемъ почти перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтія было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладъ только 30 душъ, да и сихъ испрѣбила оспа такъ, что въ 1772 году считалось только десятъ семей въ остаткѣ. Сіи остатальные пребываютъ между собою въ союзѣ, хопя и разсѣянно живутъ. *Саятамъ* они въ разсужденіи языка, вида, древнихъ обрядовъ, житія и идолослуженія такъ подобны, что какъ самихъ ихъ, такъ и плѣхъ почитаютъ Семоядскаго колѣна остаталкомъ, къ роду Саятъ принадлежащимъ.

Скотоводцы они бѣдные; а въ землепашествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юрпы, составляемыя изъ жердей, копоры спавяются наискось, покрываютъ берестюю, свержъ копорой кладутъ зимою увядшую траву. Входъ въ юрпы должно дѣлать всегда, по старинному обыкновенію, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормиться не могутъ, но заимствуютъ больше пропитаніе отъ звѣриной ловаи. Въ лѣтнее время бдятъ по большой части Сарану и другіе Сибирскими Ташарами употребляемые дикіе коренья.

Съ лишкомъ за прищипъ уже лѣтъ всѣ они крещены. Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Белшыри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для исплѣнія на дерева.

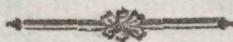

ТУБИНЦЫ.

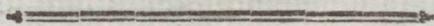
ТУБИНЫ.

Тубины, до завоеванія Россіянами Сибири, составляли многолюдное и храброе Семейское колено, жившее на Восточной сторонѣ Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось симъ именемъ. Но оно во время войны опѣ часпи испреблено, а опѣ часпи разсѣялось не токмо по другимъ Семейскимъ, но и по Таттарскимъ народамъ. Между Качинскими Таттарами еспѣ и нынѣ еще одинъ Тубинскій родъ или Аймакъ: но онѣ малолюденъ, и хощя наблюдаетъ между собою союзъ, однакожъ нынѣ ни языкомъ, ни житіемъ, ниже инымъ чемъ опѣ Качинцовъ не опѣмненъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

Тубинскій родъ, жившій на рѣкѣ Тубѣ, принадлежалъ къ Семейскому колену, по имени которой рѣки онъ и назывался. Онъ состоялъ изъ многихъ родовъ, но нынѣ почти все опѣ исчезло, и только одинъ родъ, называемый Аймакъ, остался. Онъ живетъ вблизи Качинскихъ Таттаровъ, и хотя между ними существуетъ союзъ, но они не общаются съ ними ни языкомъ, ни обычаями, ни религіею.

К А М А Ч И Н Ц Ы .

Народъ сей называется и *Камачами*. Когда они въ 1629 году начали плапнуть Россіи податъ; то кочевали между рѣками Канюю и Маною, изъ коихъ какъ одна, такъ и другая впадаютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажется, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живутъ они неподалеку отъ остроговъ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ то время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они только малолюдный народъ, или лучше сказать остатокъ онаго.

Теперь они не столько людны, какъ *Койбалы*, которыми они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго житія: по чему на нихъ и ссылаюсь. Законъ содержитъ еще языческой по *Шаманскому толкованію*, и оказываютъ великое почтеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канѣ).

К А Р А К А С С Ы .

*К*аракассы принадлежатъ къ небольшимъ оспапкамъ Красноярскихъ народовъ Семейскаго племени. Спашься можетъ, что они во время воинственныхъ безпокойствъ собрались изъ бѣглецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ платитъ сіе покладѣне подушной окладъ только за 22 семейныхъ человекъ.

Они кочуютъ при *Тассевѣ*, вышедшей изъ верхней *Тунгузки* рѣкѣ, въ гористой нѣскольکو странѣ, и приписаны къ *Удинскому* острогу. Подушный ихъ окладъ (*Ясакъ*) разположенъ по деньгамъ: но они сверхъ того исправляютъ еще и нѣкоторыя козацкія службы при *Монгальской* границѣ.

Языкъ ихъ Семейское нарѣчіе, и при томъ не столько испорченное, какъ у многихъ другихъ оспапковъ Семейскаго племени.

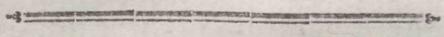
Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣютъ. Юрты, которыя составляютъ изъ колышковъ, покрываютъ звѣриными кожами. *Одѣяніе* дѣлаютъ себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семейской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвертываютъ ноги жимолостною корою. Зимую носятъ теплыя шапки; лѣтомъ же ходятъ мужчины простволосы, а женщины покрываютъ голову лѣнными шляпками, нарочито пригожо изъ просшнику выплещенными.

Въ зимнее время питаются опъ одного звѣринаго промысла, лѣтомъ же дикимъ кореньемъ и рыбною ловлею. Какъ для того, такъ и для другаго перекочивываютъ они лѣтомъ по большой части черезъ каждыя три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ крещены, но держатся больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародительскаго своего суевѣрія, которое есть Шаманское. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молился про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приносилъ въ жертву ошъ убитаго медведя и красной дичи голову да сердце, вознося по и другое къ Солнцу на кускѣ коры; при чемъ просилъ о удовлетвореніи его нуждамъ, и сѣдаетъ на послѣдокъ жертву. Знапнымъ горамъ и рѣкамъ оказывающъ они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и дарящъ или жертвующъ имъ, когда къ нимъ приближаются, по немногу табаку, привезенную съ собою древесную вѣточку, лоскутокъ мѣху, или иную какую дрянцу; при чемъ опѣвываютъ и низкіе поклоны.

Теперь они покойниковъ своихъ хоронятъ. Въ прежнія же времена оставляли ихъ для исплѣнія на голой землѣ, положи головою къ востоку, или клали на сдѣланной изъ колышковъ костеръ, либо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хвороспомъ; сожигали же токмо шѣхъ, которыхъ опмѣнно почиали.

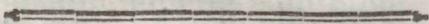

 НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ
 или
 СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Отякскія поколѣнья, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядѣ, называются правда и живутъ одинаково съ Обскими Опяками: но языкомъ говорящъ совсемъ отпѣннымъ какъ отъ Опякскаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почитаются поколѣнями особаго народа; хопя въ прочемъ и не обрѣшается ни какого извѣстія о ихъ произхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Между такъ называемыми Красноярскими Татарами говорящъ Азаны, Котовцы и Арицы симъ же самимъ языкомъ; хопя и по весьма отпѣнному нарѣчію. Слѣдовательно они не Татара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Татарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажется, что они смѣшанные остатки Енисейскихъ Опяковъ, либо и отщепеншіяся отъ нихъ толпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстить ихъ на ряду съ сими Опяками.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

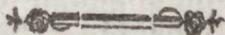

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началѣ седьмаго десятилѣтія разпространились до Енисея, жили Опяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обитали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы прожемъ ихъ. Сіи Опяки не токмо покорились Россіи въ 1608. году, но и оказывали побѣдителямъ подвѣдательствомъ тогдашнихъ своихъ Князьковъ Урмука и Намака, всевозможное вспоможеніе въ преодоленіи жившихъ въ верхъ по Енисею такъ, какъ и Воспочныхъ съ Опяками порубежныхъ народовъ.

Они раздѣляются на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кеты, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Касѣ и Сымѣ Касимовская волость; по правую же больше сторону Енисея споятъ Имбацкая и Пумлокольская волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была наизнатнѣйшая, давно уже присовокуплена и Нацкая волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случая освѣдомиться. Однако они и вообще, судя по обширности ихъ пустынь, не многолюдны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первые, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько крапъ: но они при простой и безпечной своей жизни скорѣе паки размножаются; и по тому думаютъ, что они теперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ часть Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и безплодны. Съ Семоядью и Обскими Опяками, которые называются у нихъ *Асъ Ярей*,

п. с. Обскій народъ, имѣютъ они одинакія нужды и одинакія къ отвращенію оныхъ способы, и сходствуютъ совершенно особливо съ Обскими Опяками въ разсужденіи жилищъ и перемѣны оныхъ, также одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о сихъ Опякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержатъ они, какъ и шѣ, по немногу, и равно питаются всякою дичью и пшпцами безъ разбору, рыбою, дикимъ кореньемъ и плодами. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью, и платятъ съ души по стольку же. Между ими ведутся изъ спари кузнецы, которые плавятъ сами желѣзо по примѣру Абинцовъ, а по томъ дѣлаютъ изъ онаго, какъ умѣютъ, домашнія и звѣробитныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и пеперь такіе кузнецы.

АРИНЦЫ.

Аринцы называютъ себя и *Аринами*; *Ташары* же и *Вопяки* прозвали ихъ *Арами*, отъ *Ташарскаго* слова *ара*, отдаленъ, или какъ *Спраленбергъ* утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военныя времена кореннаго своего названія.

Во время *Ташарскаго* владычества поколѣнїе ихъ было знашное и обитало на *Западномъ* или *лѣвомъ* берегу *Енисея* (которой называли *памошнїе* жилища *Кемомъ*, а нынѣ видна путь одна только *Западная* рѣка, впадающая при городѣ *Енисейскѣ* въ *Енисей*) отъ устья *Качи*, гдѣ послѣ выстроены *Красноярскѣ*, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы *Енисейской* провинціи. Отъ жестокости *Ташаръ*, а особливо отъ частыхъ *Киргизскихъ* нападений, уменьшилось было число ихъ такъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился *Россійской* державѣ, владѣлъ только спами тремя семей. Въ 1630 году соединились *Аринцы* съ одною волостью *Енисейскихъ* *Опяковъ*, которая по князекѣ ихъ *Веслѣ* называлась *Весловскою*, и передались по томъ *Киргизцамъ*. Возмущеніе сіе было для многихъ погубельно. Отъ бывшихъ между *Киргизцами* и *Ханомъ* *Золотой Орды* (*Алтынъ Ханомъ*) разврашовъ разбѣжалось ихъ также не мало; нѣкоторые же приняли убѣжище къ *Качинцамъ* и тамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнїя времена знашнаго колѣна считается въ остаткѣ нѣсколько токмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ *Качинцовъ*, подъ властію собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ *Качинскихъ* степяхъ живутъ смѣжно съ *Аринцами* при рода или *Аймака*, а именно *Ярынской* изъ 30, *Буктынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящій, которые походятъ на *Аринцовъ* такъ, что надобно ихъ неотмѣнно
почитать

почитають произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имбюшъ такъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Красноярской воеводской канцелярїи вообще Яринскою волостью.

Собспвенный ихъ языкъ естъ весьма опмбнное нарбчїе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Опяковъ. Нынѣ же говорятъ они по Ташарски Качинскимъ нарбчїемъ. Какъ г. Спашскій Совѣтникъ Миллеръ и старшій Гмелинъ были въ 1735 году при рѣкѣ Енисеѣ, то по Аринцки умѣлъ тогда еще говорить одинъ только человекъ, помощію котораго помянушій г. Спашскій Совѣтникъ и умножилъ свой словарь или собраніе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сіи путешественники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Восточной Сибири, то не было уже въ живыхъ и сего человека; и слѣдовательно купно съ жизнію его пресѣклась и живность Аринцскаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Яринской волости поколѣнья живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣяніе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Яринцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имбюшъ ни какого скота: по чему и питаются по большей части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаюшъ такъ же мягкою рухлядью.

Вся вообще Яринская волость исповѣдуетъ законъ Христіанской, но столь же мало просвѣщена, какъ и крещеные Ташара: и для того упоаеетъ въ наивеличайшемъ суевѣрїи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго толку; и объ нихъ повѣствуешъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабдѣвали ихъ оружіемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадей, которой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Кляшвы почитаюшъ они и нынѣ еще весьма спрашными. Всякъ клеветушійся у нихъ становишся промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаешъ мед-

ведя въ голову. Однакожъ они и таковога оправдавшагося у себя не первятъ : но долженъ онъ спрансповатъ по пѣмъ мѣстамъ , въ копоры покажетъ ему пупъ пущенная на волю и собакою прелѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родовъ омываются проекратно ; передъ возобновленіемъ же сожипія съ мужьями своими окуриваются хорошенько ирвенемъ , посвященною языческимъ божкамъ правою , и пакъ далѣе.

А З А Н Ы .

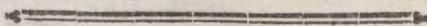
Азаны и *Ассаны*, которые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарами*, и причисляются къ *Красноярскимъ Татарами*, подобны судьбами своими и устройствомъ *Аринцамъ*. Они такъ же, какъ и шь, составляли прежде сильное и храброе поколѣнье, но отъ подобныхъ безумій число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталось уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти испребленнаго уже народа утвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (которая впадаетъ въ *Тунгукзу* съ лѣвой, а сія въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онъ подъ начальствомъ своего старшины или *Башлыка* пребываетъ между собою въ союзѣ и живетъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше *Красноярскихъ Татаръ*.

Азанской языкъ есть весьма отчужденное отъ языка *Енисейскихъ Опяковъ* и *Аринцовъ* нарѣчіе, которымъ однакожъ нынѣ уже не говорятъ, но вмѣсто того употребляютъ *Татарской языкъ* въ худомъ произношеніи. Славные Академическіе путешественники, г. *Спапскій Совѣтникъ Миллеръ* и покойный *Гмелинъ* старшій, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человекъ, которые могли говорить *Азанскимъ языкомъ*, нынѣ же онъ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно *Аринцскому*, посредствомъ собранныхъ помянутымъ г. *Спапскимъ Совѣтникомъ* съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще сохранилъ.

К О Т О В Ц Ы .

Какъ Котовцы въ 1628 году Россіи покорились, то колѣно ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи Аринцовъ и Азанъ, слабое. Нынѣ же они хотя еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оныя остатки народовъ вмѣстѣ: по чему и говорятъ еще собственнымъ своимъ языкомъ, который есть не иной какой, какъ Пумпоколо опякской; токмо нарѣчіе онаго нарочито опмѣнно, и при томъ какъ опъ Аринцоваго, такъ и опъ Азанскаго весьма опшло: изъ чего явствуетъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе остатки народовъ, причисляются къ Красноярскимъ народамъ.

Они кочуютъ близъ Восточнаго Енисейскаго берега, между Абаканскимъ и Канскимъ острогами, возлѣ Качинцовъ. Юрты ихъ совершенно сходны съ Качинскими. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вообще устройства походятъ такъ же на Качинцовъ, токмо гораздо ихъ скуднѣе. Скотоводство ихъ, относящееся къ лошадямъ, рогатому скоту и овцамъ, самое малое; и по тому они зимою опъ звѣриной ловли, а лѣпомъ опъ дикаго кореня, плодовъ и рыбной ловли имѣютъ свое пропитаніе. Звѣриный промыселъ выгоденъ въ лѣсистыхъ и гористыхъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, которые славны подъ именемъ Канскихъ. Они очищаютъ соболями въ Канскомъ острогѣ и подушной свой окладъ (Ясакъ).

Православную Грекороссійскую вѣру приняли не многіе, да и тѣ различаются опъ другихъ почти однимъ только именемъ Христіянъ и нѣкоторыми обрядами, которыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣшей, также при свадьбахъ и похоронахъ; да сверхъ того рубахами. Прочіе же содержатъ Шаманскаго толку языческой законъ, и строго наблюдаютъ обряды Качинцовъ.

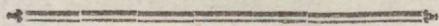
Качинцовъ. Всѣ вообще въ разсужденіи шѣла своего, пищи, юршѣ, одѣянія, и всего житія, крайне неопрятны, да и чрезвычайно лѣнны. Преисполненныя гадиною шубы, кошорыя надѣваюшъ язычники на голое шѣло, почти прилипаюшъ къ нему отъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше одной жены, по тому что по бѣдности своей не имѣюшъ къ тому ни силъ, ни достатка. Изъ обычаевъ ихъ странно то, какъ они зимою спятъ, а именно: они ложатся въ юршѣ около огня попарно, такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другаго. Въ семъ положеніи переворачиваются они и на другой бокъ за однимъ разомъ и не разбиваясь.

МАНДЖУРСКІЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по произхожденію своему единоплеменны; и сіе доказываеяся ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ шакъ, какъ и собственными ихъ преданіями. Вообще они владѣютъ въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны да при томъ насоящіе *Манджуры* и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣнъ владѣетъ наследственно Кипайскимъ престоломъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмого десятилѣтія, владѣли *Манджуры* всею *Даурією* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгалскихъ горъ, также всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ *Шилки* и *Аргуна*, шакъ какъ и побочныхъ рѣкъ, *Сеги*, *Шингала*, *Наума* и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезпокоиваемы были вышѣсненными изъ Монгаліи на Западъ *Бурятами*. При рѣкѣ *Селенгѣ* и при верхнемъ *Амурѣ* спояло тогда колѣно *Даурское*, между *Аргуномъ* и *Шилкою Дучерское*, при среднемъ *Амурѣ* и впадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, *Сегѣ*, *Наумѣ* и другихъ *Ачарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его оспровахъ, а особливо на лежащемъ супротивъ устья Амура весьма великомъ оспровѣ *Сагалымѣ* улусы *Гилякского колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною спороною въ Кипайское государство, а отъ части къ Амуру. Тутъ они съ братією своею нѣскольکو оспепенились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Кипайскіе города *Айжи* и *Албази*, первый на правомъ берегу *Аргуна*, а послѣдній на лѣвомъ выше устья *Сеги*. Они называли сіи мѣста по Князькамъ своимъ *Толгѣ Толгинымъ* и *Албазѣ Албазинымъ*.

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмагонадесять столѣтїя , были Дауры и Дучеры подданные Кипайскаго Богдохана , который тогда уже былъ Манджурской породы : по чему и вѣшался какъ въ побѣгъ ихъ , такъ и въ защищенїе. Гиляки и прочїе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власти, и покорились Россїи безъ всякаго сопротивленїя. Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры ; но большая ихъ половина по повелѣнїю Богдохана переведена съ Амура , которыми Россїя тогда всемъ владѣла , ближе къ Кипаю , а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ того спарался Богдоханъ завладѣть Амуромъ , который ему и уступленъ , по силѣ заключеннаго въ Нерчинскѣ мира, со всѣми Россїи податъ плашившими Манджурами. Нынѣ служить между Китаемъ и Россїею границею Становой Хребетъ , простирающійся изъ Даурїи на Востокъ и Сѣверовостокъ , между рѣками Леною и Амуромъ , къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не Манджуры , но Тунгузы , плащащіе податъ отъ части Россїи , а отъ части Кипаю ; иные же и вольно странствуютъ , ни чего не плаща.

Не всѣ Манджурскїя поколѣнья ведутъ жизнь одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ отъ одной рыбной ловли , какъ н. п. Ачары , кочующїе при Намкѣ рѣкѣ , вышедшей изъ Амура въ правой сторонѣ. Сїи запрягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ , какъ слышно , усмирены и медведи такъ , что возятъ сани. Многіе упражняются единственно въ разведенїи оленей ; другїе въ звѣриномъ промыслѣ ; а еще большее число въ земледѣлїи.

У Даурскихъ Манджуръ было такое междуособное успроенїе , которое какъ будто бы составлено было изъ кочеваго и постояннаго на одномъ мѣстѣ житїя , и при томъ весьма соотвѣтствовало человѣческой природѣ. Они жили , по письменнымъ извѣстїямъ и по преданїямъ нынѣшнихъ Дауръ , въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ , деревнями или семействами , но и не скучливы были перемѣнять мѣста свои , когда только усматривали невозможность удовлетворять впродъ своимъ нуждамъ или въ
годамъ

годамъ жипейскимъ , какія могли бы они имѣть въ другихъ мѣстахъ. Они жили какъ между собою , такъ и съ сосѣдями мирно, и радѣли о скотоводствѣ , земледѣльствѣ , да и о самыхъ горныхъ работахъ.

Пашни свои засѣвають они , по примѣру Бухарцовъ , какъ огороды , раздѣляющъ ихъ глубокими спешками на гряды или полосы , и обводящъ ихъ рвами , дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. — И нынѣ еще видно нѣсколько таковыхъ огородовъ на берегахъ рѣкъ Даурскихъ рѣкъ , а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ , на копорыхъ имѣлъ жилища свои одинъ Манджурскій народъ , названный въ извѣстіяхъ Баргутами.

Сверхъ того производили многіе съ немалымъ раченіемъ рудокольное и плавильное дѣло. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ , славные подъ именемъ *Нерчинскихъ* , и разрабатываемые теперь для одного Серебрянаго и Золотаго выходу , содержатъ въ себѣ такъ , какъ и вся Даурія довольно доказательствъ о томъ , что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудокопномъ дѣлѣ. Многіе опъ часпи покинутые , а опъ часпи еще разрабатываемые рудники , суть продолженія начатыхъ ими работъ. Вѣроятно кажется , что и старыя рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской обласпи при Енисеѣ , суть останки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ , а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенія. Гдѣ находили они руду , тамъ заводили и плавильни : по чему при всѣхъ древнихъ , хотя нѣсколько знатныхъ рудникахъ , видны груды огарковъ. Они добывали и плавили руды всегда по небольшому количеству и , какъ видно по огаркамъ , наибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большой часпи поденные или верховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики , и вѣроятно кажется , что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ шѣхъ печей , въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плавятъ сами свое желѣзо. Такія печи , (имѣющія въ прочемъ продолговаточешвероугольной

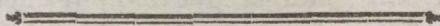
пверугольной видѣ, въ поперешникѣ почти въ сажень, а въ разсужденіи плавки разположенныя подобно такѣ называемымъ высокимъ печамъ и снабдѣнныя ручными мѣхами) конечно найдены въ разныхъ мѣстахъ и послужили образцомъ.

Даурскіе наши Манджуры были, такъ какъ нынѣшніе при Амурѣ и другіе, язычники Шаманскаго толку, о которыхъ буду говорить послѣ. Покойниковъ своихъ они хоронили; а что они имѣли къ нимъ почтеніе, о томъ свидѣтельствуетъ безчисленное множествъ могилъ, какія видны еще и нынѣ при Аргунѣ, Шилкѣ, Ингодѣ, Ононѣ и ея рѣкахъ. Они дѣланы особенно, а больше по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Въ длину бывающіе они обыкновенно отъ 5 до 8, въ ширину отъ 3 до 4, а въ глубину, какъ видно при разрываніи по слоямъ земли, до 6 футовъ. Въ нихъ находятъ иногда остатки копій и ржавчатые кусочки желѣза, конечно отъ оружія; дорогие же крушцы, какъ въ Енисейскихъ могилахъ, никогда не попадаются; по чему и не касается никто праха усопшихъ. Большая половина сихъ могилъ завалены просто землею, нѣкоторые же и плитникомъ. Нынѣ они равны съ поверхностью земли, но какъ продолговатые четверугольники обставлены съ Востока на Западъ плитами стоящими на краю могилы и порчащими поверхность земли на ладонь или и на пядень въ высоту. Въ Восточномъ концѣ стоить обыкновенно въ одинъ и два фута вышиною плоской или круглому столбу подобной необтесаной камень. На многихъ могилахъ стоить и по срединѣ сей почестный столбъ.

ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами *Евоенами*, по тому, что праотца ихъ звали *Евоеномъ*, также *Донками*, а иногда, по примѣру многихъ Сибириковъ, и просто *людьми* (Тунг. *Боге*). Енисейскіе Ошяки и Татара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, производши названіе сіе ломано отъ слова *Донки* или отъ *Тонгонъ*, наименованія ихъ *Князька*, либо и отъ *Татарскаго* слова *Тунгузъ*, свинья, которымъ названіемъ гордые Татара хотѣли конечно извѣстнѣе ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ *Манджуры Соломами*, *спрѣльцами*, и *Орончонами*, оленоводцами, отъ слова *Оронъ*, олень, *Монгалы* же и *Бурята Хамъ Ногонами* и *Ссолонами*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Енисея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ *Юга* къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни *Соонгарскихъ* границъ, ни береговъ *Ледовитаго моря*. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности *Ошяки*, *Семояди*, а особливо *Якушы*. Около *Амура* и за онымъ кочуютъ обще съ *Манджурами* и *Кипайскіе Тунгузы*. Мѣста ихъ, выключая при *Амурѣ* лежащія, по большей части, какъ и *Якупскія*, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усадьбы по *Европейскому* вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о *Тунгузахъ* отъ *Енисейскихъ Ошяковъ*, и начали съ 1607 году спарашься, чрезъ посылку изъ *Мангазея Козаковъ*, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія *Тунгузскія* поколѣнія вышѣсненнымъ недавно изъ *Монголіи Бурятамъ*. Во время *Россійскихъ* нападений оказали *Тунгузы* больше мужества, нежели другіе *Сибир-*

Тунгусъ на охотѣ.
 Ein Tungus im Jagd-Kleid.
 Un Tougouse en habit de chasse.

Сибиряки, и ни какое поражение не могло ихъ принудить къ оспавленію занятыхъ ими подъ жилища свои мѣстѣ. Преодо- лѣнные бунповали въ послѣдовавшія времена нѣсколько крапѣ; и въ 1640 году Ленскіе Тунгузы у собирашелей подапи вы- щипали бороды. Живущіе на Западной споронѣ Байкала Тун- гузы покорились Россіи не прежде, какъ въ 1643, на Восточ- ной же споронѣ и при Вишимѣ обитающіе въ 1657 году.

Они раздѣляются по Восточному обыкновенію на колѣна, а сіи на роды. Каждый родъ (Тагаунъ) производилъ нача- ло свое отъ какого ни естъ храброспїю, силою, изобилїемъ въ скопѣ и дѣшяхъ, а иногда и благоразумїемъ, прославивша- гося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ ономъ находящїеся считающся кровными между собою родспвенни- ками. Нѣсколько же таковыхъ родовъ считающся между со- бою родспвомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяющся по- тому въ колѣна. Умѣющіе породу свою выводитъ прямою до- рогою отъ знашныхъ родоначальниковъ, составляющъ ихъ дворянство (Опериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче семейспвенныхъ старшинъ (Даруга); въ случаѣ же недоспап- ка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зажишоч- нѣйшихъ и опважнѣйшихъ людей. Въ прежнія времена выби- рало нѣсколько родовъ общаго себѣ Сайзана; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался Тоїономъ и Тоїономъ. Онъ подобенъ былъ въ разсужденїи власпи Хану Та- шарской орды. Нынѣ же причитающся таковыя семейства со- вокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россійскаго пра- вительсства въ семъ званїи утвержденными, пакъ же съ нѣ- сколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ числомъ Тоїономъ, для большей удобности въ надзиранїи и со- биранїи подапи къ Округамъ, оспрогамъ и зимовьямъ, копо- рья мало по малу между народомъ симъ заведены.

По сему раздѣленїю принадлежало въ 1766 году, по счи- сленїю мужеска пола, въ Якуцку 16 родовъ, а душъ 1291; къ Охотскому округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ Кучидай- скому, Баунтскому и Баргузинскому оспрогу и зимовьямъ

на верхней Ангарѣ 13 родовъ, а душъ 1025, которые всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной сторонѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскаго управителя въ Балгузинѣ; въ Нерчинскихъ заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Ононѣ, Шилкѣ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ Дулегатской вѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь Кантимуровъ, крестившійся Монгалъ, въ званіи Тоѳона или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладъ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежитъ 8 родовъ, а душъ 290 къ Телембинскому оспрогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ Еравинскому оспрогу; въ прочемъ же приписано къ Олекминскому оспрогу 4 рода, а душъ 242; къ верхнему и нижнему Вилуйскому зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ премъ зимовьямъ же на Маѣ, вышедшей изъ Лены рѣки, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ Колымскимъ оспрогамъ 5 родовъ Ламутъ, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ подушной окладъ 397 душъ. Всѣ сіи находящаяся въ Иркутской губерніи; шесть же кочующихъ при Тунгузкѣ родовъ платятъ подушной окладъ за 200 душъ въ Енисейскѣ и Мангазеѣ, и слѣдовательно принадлежатъ къ Тобольской губерніи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, спранспивуютъ еще и между другими язычниками небольшія артели или частныя Тунгузскія семьи, коихъ наберется около 1700. Сверхъ того, по собственному показанію Тунгузъ, кочуютъ по верхней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многолюдныхъ поколѣній. Въ горахъ къ Амуру, при Удѣ, Тунгузы отъ части и вовсе еще не считаны, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почестъ наизнапѣйшимъ въ Сибири, не считая Китайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число платящихъ подушной окладъ душъ впрое, въ замѣну женъ, дѣтей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бывають; при томъ спатыны и верпявы. Лицо у нихъ не сполько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и воспрые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опускается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чушки, но темъ шупяе у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣши совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодые женщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи напрошивъ того морщинами, копошью, и красными какъ огненный уголь глазами приводятъ въ ужасъ. Спарики рѣдко бывають сѣды, и ходятъ до послѣдняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ споль бодры, что сомнительно, не зная, почестъ ихъ и успарѣлыми.

Сложенія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Агаты кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и клятво. Воровство и обманъ почитается у нихъ споль позорнымъ дѣломъ, что они по таковымъ попреканіямъ размѣниваются часто спрѣлами. Довольспвуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему, кромѣ оныхъ, не имѣють приспращія: и по тому пребываютъ при прародительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ, безъ дальнихъ прихостей или зашѣй. Горести сего дня не растворяють они понеченемъ о заушрѣ; но паче дѣлается со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и сѣдають оной съ веселостію. Да и въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько дней сидятъ голодны за неимѣніемъ ни какого харчу, не унывають. Женишба почти одно такое дѣло, при которомъ думаютъ они о будущемъ; да и въ томъ бываетъ имъ всегда удача, по тому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ неисповствамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна оспорожность, раченіе и способность. Они весьма скоро перенимають другіе языки, и въ верховой ѣздѣ, звѣриномъ

промыслѣ и спрѣляніи извѣ луковъ искусны. Въ мѣспахѣ, гдѣ кочуютъ, знакомо имѣ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, травѣ, или и просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человекъ опнюдь не можетъ примѣнить ни чего особеннаго. Когда хотятъ имѣть свиданіе въ другихъ мѣспахѣ, то мѣспа умѣютъ описывать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцемъ на снѣгу или на землѣ такіе чертежи, что неопимѣнно, гдѣ надобно, сойдутся. Опважность ихъ, выходитъ съ обидчикомъ и извѣ бездѣлицы на поединочную извѣ луковъ перестрѣлку, при чемъ иной и жизни лишается, или устремляясь на единѣ со спрѣлою и рогатиною на медвѣдя, составляетъ спранныю пропивность въ разсужденіи почти безчувственной ихъ холодноспи при крайнемъ недоспакѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣніи и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышляютъ звѣрей, ловятъ рыбу и пасутъ скотъ по большой части уединенно, и какъ встрѣчаются, такъ и разлучаются между собою безъ радости и тоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше попеченія, и не столько щедры: однакожъ за бессильныхъ шариковъ платятъ подушной окладъ охотно.

Языкѣ ихъ есть Манджурское нарѣчіе, и при томъ мягко, для выговору удобенъ и слуху приятенъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, которыя удобнѣе писать кистью, нежели перомъ, съ верьху въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣтъ ни грамоти, ни школъ. Знанія ихъ утверждаются только на преданіяхъ и относятся къ ихъ соспоянію. Щетъ ихъ простирается до 10, и по томъ удваивается. У нихъ есть лѣтній и зимній годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣта жизни или какого ни есть бытія считаютъ по тому, сколько разъ заплаченъ между темъ Ясакъ; такъ н. п. кто придцать разъ платилъ Ясакъ, тому опѣ рожденія придцать лѣтнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовательно шестдцать лѣтъ. Въ такомъ двойственномъ году считается принадлецать мѣсяцовъ или лунныхъ печеній (Бега), которыя называютъ они по естественнымъ приключеніямъ, какъ н. п. Илкунъ (цвѣтучной мѣсяцъ), Ирикъ (плодоносной мѣсяцъ)

сяцѣ) и такъ далѣе. При томъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по жишю ихъ разнятся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣтняго Нового года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Другимъ ихъ надлежало бы токмо наблюдать порядокъ и рѣшить маловажныя споры, о важныхъ же предлагать Ясашнымъ сборщикамъ: но спорящіяся охотнѣе размѣниваются стрѣлами, либо подвергаются осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей брашні, судящей обыкновенно по естественной справедливости, нежели предспаютъ предъ судъ начальства, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и нынѣ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поединочная изъ луковъ перестрѣлка (Кучигера) происходила прежде въ виду спаросѣвъ, которые опредѣляли мѣсто, отдаленіе и знаки, когда пускатъ стрѣлы. Нынѣ же принуждены они таковыя поединки скрывать; по чему и отходятъ многіе безвѣстно на шопъ свѣтъ.

Убийство, когда произошло отъ ссоры, не уголовнымъ считается у нихъ преступленіемъ. Убийцу сѣкутъ плѣшми, и приказываютъ ему содержать сиротъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не токмо не укоряютъ его брашні злодѣяніемъ, но еще и величаютъ его храбрецомъ. За драку наказываютъ палочными по голой спинѣ побоями, и сіе испязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. Воровъ бьютъ, взыскиваютъ съ нихъ похищенное, и они остаются навсегда въ презрѣніи. За прелюбодѣяніе наказуютъ однихъ только мужчинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую имъ дѣвку, заплатя напередъ определенной выкупъ, или претерпѣть побои. Когда кто изъ черни похититъ честь у богатой или пригожей дѣвки, то долженъ опасаться, чтобы брашья ея и приятели не разстрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драться не запрещено; и они пользуются при томъ одинакими правами; а кто кого ранитъ, того сѣкутъ при всемъ народѣ. Ежели женыше ужиться не могутъ, то разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинъ у нихъ

нихъ довольно; да ето имъ и не въ диковину. Бабы сидятъ обыкновенно дома одни; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ странствующие звѣриные промышленники; варятъ у нихъ себѣ пищу; ѣдятъ оную вмѣстѣ; и какъ шѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, то скоро соглашаются между собою и о другомъ. Если мужу спанетъ уже не въ шернежѣ; то поступаетъ онъ женою ея дружку и беретъ за себя другую изъ его рода. Таковой нарочито часто производящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ Данира. Родимыя пятна, беспорядочное сложеніе пѣла, и густоту волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, копорая бываетъ въ прочемъ рѣдко, почитаютъ они происшедшими отъ дѣйствія дѣвола неуспройсвами: по чему и случаются у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ производиться всегда съ согласія спарѣшинъ.

Въ такихъ случаяхъ, когда не можно испытать истинны, берется на помощь присяга (Адакачанъ), которой естъ у нихъ цѣлыя при рода. Самая послѣдняя состоитъ въ томъ, что обвиняемый беретъ ножъ и размахивая онымъ противъ солнца, говоритъ: *если я виноватъ, то пусть солнце повелитъ болѣзнямъ разметываться еъ моей нутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ.* Тяжкая клятва заключается въ томъ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какъ н. п. на Восточной споронѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся неподалеку отъ теплыхъ водъ при рѣкѣ Фрелихѣ, вскричитъ: *если я виноватъ, толускай умру, или лишусь дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномъ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ;* то естъ говоритъ то, чемъ ему приказано клясться. Сама же большая присяга состоитъ въ томъ, что убивается собака возлѣ огню, прободается копьемъ, а по томъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же даютъ испить нѣсколько ея крови, при чемъ долженъ онъ говорить: *кровь сію пью я на правдѣ; а буде лгу, то лускай погибну, сгорю или изсохну, какъ сія собака.*

Подать Сибирскихъ Тунгузъ, выключая Телембинскія поколѣнья, копорыя въ мѣсто подали исправляютъ на Монгальской

гальской границѣ Козакія службы, состоить въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладѣ записанной души; а каждый соболь счисляется въ рубль. Они могутъ такъ же отдавать въ казну, цѣною на два рубли, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя плащить наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнятъ присяжные люди. Всякое поколѣние или семейство очищаетъ гурпомъ свой подушной окладъ, раздѣляя оной самопроизвольно, заспавляя щаспливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышленниковъ плащить за бѣдныхъ и престарѣлыхъ, и такъ далѣе. Даруги отдають подашь подѣвесну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сѣи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получаютъ прибыль. Если н. п. подашь еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности отъ сихъ почти дикихъ людей обратню мягкою рухлядью не только самой долгъ исправно, но часто еще и сверхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при верхней Ангарѣ промышленяемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, то они не скупаются, но даютъ самое лучшее, да при томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовательно Россіи подвластные Тунгузы кочуютъ и разнятся между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живутъ; по чему и не провинно называлъ однихъ лѣсными, а другихъ степными Тунгузами. Лѣсные Тунгузы раздѣляются паки, по ихъ житію, на оленоводствующихъ, звѣроловствующихъ и рыбную ловлю производящихъ. Степные Тунгузы держатъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. Запросто раздѣляются они на конныхъ, оленьихъ и собачьихъ Тунгузовъ, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующіе и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хопя сѣе не извѣяетъ опмѣнности народа, однакожъ показываетъ его состояніе.

Оленьи Тунгузы кочуютъ съ своими спалами, въ коихъ бываетъ отъ 20 до 1000 оленей и свыше, въ высокихъ и лѣ-

сиспыхъ горахъ въ Дауріи около Баунтскаго озера, около Охоцка и при нижшихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяютъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Семояди, по тому, что оныя состоятъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствуются мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьютъ одѣяніе, спятъ на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ жилъ ниши и проч. при томъ вѣзятъ на оленяхъ верхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣніе. Они всегда сами себѣ промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольکو только горстей мху, когда споятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито опдаленныя мѣста юртъ ихъ и стада мѣста.

Зѣвроловствующіе и рыбную ловлю производящіе Тунгузы все одни и тѣ же, и ни чѣмъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволя какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней стоятъ на одномъ мѣстѣ. Сбравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой часпи какъ особенныя семьи, которыя, когда встрѣчатся случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семьями, остаются правда на нѣсколько времени въ соединеніи однакожъ вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чѣго, кромѣ зѣвроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ, также одѣянія и юртъ, не имѣютъ. Сте сказано о большой половинѣ; и изъ таковыхъ по мало существуетъ такихъ семей, которыхъ бы, когда не имѣютъ въ запасѣ мягкой рухляди, не можно было шрема или пятью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни жишейскихъ попеченій гореспню растворенныхъ. Нѣкоторыя имѣютъ по нѣскольکو, а иные и до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Старые

рые люди и дѣвки ѣздящѣ на нихъ верхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашній скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то собаки и олени безъ принужденія слѣдуютъ за ними вплавъ и никогда не разбѣгаются, хотя въ льсахъ и довольно попадаются имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бывають хищными звѣрями или собаками. Для верховой ѣзды имѣють они небольшія сѣдла изъ оленьихъ реберъ, на копорыя кладутъ сверху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ рыбной ловлѣ спранспвуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслу, живущѣ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣлили. На воду пускаются они въ небольшихъ лодкахъ (Яу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и такихъ же закраинъ, а обшитыхъ берестюю, и при томъ такъ плоско, что вода ни какъ пройти сквозь оную не можетъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 сажень, въ верху шириною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 футовъ, тяжестью иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ шемъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не токмо одному, но чепыремъ и пяпи человекамъ ѣздить безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Веслы походятъ на лопапы; а гребутъ то шемъ, то другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть, имъ неизвѣстна. Рыбу ловятъ удами, копорыя опускають въ воду черезъ край идущей на греблѣ лодки, да и прехзубчатыми желѣзными вилами (Керонки), копорыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣють зазубрины, отстоятъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣплены къ удилу длиною въ сажень. Въ ночное время ложатся они съ зажженнымъ подгнѣпомъ на брюхо на утесистыхъ мѣстахъ береговъ, или развѣзжаютъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искусство ихъ столь велико, что рыба копс-

рую запримѣпятъ и достать могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходятъ. Когда осенью бываетъ омоли (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣки, то дѣлаютъ они неподалеку отъ берега изъ прутьевъ сплетенную городьбу, и спавятъ въ рѣкѣ наискось, а сами споятъ позади оной въ водѣ и выбрасываютъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и шутъ оспанавливающуюся рыбу.

Звѣриный же промыселъ производятъ различно. Они употребляютъ при томъ луки, стрѣлы, рогапины, силки, ловушки, а особливо самострѣлы, и приученыхъ къ гоньбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества наспороженныхъ самострѣловъ не можно безъ Тунгузскаго проводника ходить или ѣздить по ихъ лѣсамъ. Провожатые же признаютъ сіи мѣста по надломленнымъ вѣшьямъ деревъ или по другимъ какимъ едва примѣтнымъ знакамъ. По елику они ходятъ на звѣриной промыселъ обыкновенно по одиначкѣ, и при томъ смѣлы, но не мало пропадаютъ ихъ отъ несчастныхъ приключеній, паденія съ горъ, увязыванія ногами промежъ выблюющихся накипей, коими каменныя горы усыпаны, также отъ быспроты рѣкъ, отъ хищныхъ звѣрей, и такъ далѣе. Ежели кто изъ звѣриныхъ промыслениковъ переломитъ себѣ ногу или увязнетъ такъ, что ни какъ самъ выбиться не можетъ; но удаленъ будучи отъ всякой помощи приближается медлительно или отъ мученія или отъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни есть хищный звѣрь не прекратитъ скорѣе его спраданія. Упражнявшійся щасливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ принимается за содержаніе оленей; оскудѣвшій же оленьи Тунгузъ берется за звѣриный промыселъ и рубную ловлю, либо разводитъ собакъ: но ни томъ, ни другой не промѣняетъ лѣсовъ и горъ на чистые степи, или звѣринаго и другихъ промысловъ на скопководство.

Стелные Тунгузы находятся почти въ одной Дауріи при Ононѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч. Они имѣютъ лошадей, которые составляютъ главное богатство, рогатой скотъ, овецъ, козъ

(*) *Salmo gregarius*.

козѣ и верблюдовѣ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житіи, также въ юртахъ и прочемъ, уподобляются Бурятамъ, коимъ они послѣдовали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скотоводствѣ. Однакожъ они не столько заводны, какъ Буряты. Между Тунгузами не легко сыскать такого человѣка, который бы имѣлъ тысячу лошадей, пять сотъ рогатаго скота, до двухъ тысячъ овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Бурятами же, о которыхъ буду говорить послѣ, былъ бы такой человѣкъ не въ диковину. Оскудѣвшій степной или конный Тунгузъ служилъ своей бранныи или Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и плашежа за него подушнаго оклада.

Между лѣсными Тунгузами есть и кузнецы: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, пернукъ, клещи, которыя они такъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздувальныя мѣхи изъ тюленьихъ кожъ, подобныя нашимъ, не выключая и самаго мѣшечка съ угольемъ, паяжеспію вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокупно съ припасами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надобно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣсто нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаетъ изъ глины для мѣховъ трубу, и куетъ, сидя на землѣ, заступы, копейца на стрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копья, жестианныхъ идоловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумать можно.

Женскія упражненія, сверхъ варенія пищи, смотрѣнія за дѣтьми и такъ далѣе, состоятъ въ сушеніи рыбы, выдѣлываніи кожъ, шитьѣ одѣянія, крашеніи и сему подобномъ. Мягкую рухлядь выдѣлываютъ изрядно; а особливо замша ихъ опмѣнно хороша. Налимовыя и другія рыбы шкуры выдѣлываютъ они не хуже Обскихъ Опяковъ. Шитье ихъ и вичуры, изъ разщипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, также крашеніе кожъ, а особливо шерсти съ бѣлыхъ козъ и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Арань) и домашній скарбъ лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше проспы, какъ и самое ихъ житіе. Они соспавляютъ изъ 10 или и 20 жердей или колышковъ столбъ, къ верху уже сведенный и скрѣпляющійся шамъ зубцами, на землѣ же занимающій пространство въ поперешникѣ отъ 2 до 2½ сажень. Сію изъ колышковъ состоящую решетку покрываютъ они наметами изъ вываренной и на подобіе холста сшитой береспы. Края оныхъ обшивають какъ для красы, такъ и для крѣпости полосками изъ береспы же, какъ будто шесьмою. По самой срединѣ юрты виденъ очагъ, съ котораго поднимается дымъ сквозь полу юрты. Въ мѣсто дверей раздвинуты двѣ жерди подалѣ одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленнымъ бересповымъ наметомъ, которой можно или опшопыривать или поднимать въ верхъ. Когда они опшочовываютъ на другія мѣста, то решетки покидаютъ, а наметы, свернувъ въ трубку, берутъ съ собою. Таковы ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ спужи, какъ легко разсудить можно, худое убѣжище. Зимой спавяютъ ихъ наибольше въ закрытіяхъ горъ, лѣтомъ же такъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человѣку спрашно бы показалось и войши.

Домашній ихъ скарбъ состоитъ въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ коплѣ, въ щеляныхъ, бересповыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плащяныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожею и шипыми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, саняхъ подъ собакъ, заступахъ, попорахъ, лодкахъ, снасти для звѣринаго промыслу и рыбной ловли, оружіи и прочемъ. Застулы ихъ длиною фура въ полтора, нѣсколько выгнушы, и обложены желѣзомъ только на концѣ. *Колыбели* суть не иное что, какъ опкрытые ящики изъ береспы, въ вышину почти на пядень, и обшянуты кожею. Они сведены шупымъ угломъ, на подобіе кресель; по чему перевязанное дия сидитъ какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, то вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дияни вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идиоловъ, какъ будто хранищелей. Въ прочемъ можно шаковую колыбель и съ дияшемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣпвяхъ деревъ, также прикрѣп-

ляше

ляпъ къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрпы и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, которыя описаны будучи послѣ, а послѣдній сходствуетъ отъ части съ теперъ только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше съ Якускимъ, но темъ паче ошибенно отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное плаще или шубы, которыя носятъ они на голомъ шлѣ, короткія штаны и долгіе кожаные или теплые салогі, почти совершенно подобны Якускимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и сапоги свои не такъ часто, какъ Якушы, украшаютъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изощряютъ ихъ красивымъ шитьемъ или строченьемъ и бисеромъ. Въ шпанномъ поясѣ есть снурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясницѣ; а въпереди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желтой или темной выдѣланной кожи, которая отъ части всплошь, а отъ части въ низу только съ краю изрѣзана въ узенькія полоски. По елику верхнее плаще, которое въпереди спягивается снурками, не совсемъ сходится, то привѣшиваютъ они по большой части красиво выпроченной, и корольками или раздувающимся крашенымъ волосомъ конскимъ или козымъ выложенной нагрудникъ, который шириною въ верху въ ладонь, а въ низу въ пядень, доспаетъ до половины лядвей, и держится около шеи на веревочкѣ. Лѣтомъ же носятъ они плаще по большой части въ разпашку и нагрудника не надѣваютъ. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на таковыхъ нагрудникахъ, а лѣтомъ и просто на груди, жестянаго идола, во образѣ челоуѣка, звѣря, птицы и проч. представленнаго, и уноваютъ на его покровительство, ожидаютъ себѣ отъ него щастія въ звѣриномъ промыслѣ, и такъ далѣе. Лѣтомъ носятъ также многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ налимовыхъ и другихъ рыбныхъ шкуръ. Зимой носятъ небольшіе по икры только пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи съ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ которые подшиваютъ конченныя подошвы. Зимнее одѣяніе шьется по большой части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако

нако ни чемъ не полибе лѣшняго замшанаго плащя. Они сполько любящъ легкое , свободное и развѣшное или странное на взглядъ плаще , чпо кромѣ волосяной бахрамы , шириною въ ладонь , около обшивки плащя находящейся , пришивающъ нерѣдко еще и къ поясищѣ большіе , пядени въ двѣ длиною , пуки изъ бѣлаго , краснаго или чернаго волосу , которыя раздуваются отъ вѣтру такъ , какъ и бахрамы. Лѣшомъ ходящъ всѣ прршоволосы ; а зимою носящъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ , а особливо изъ серныхъ головъ , на которыхъ оставляющъ какъ уши , такъ и молодые рога ; отъ часпи же надѣвающъ на голову и небольшія скуфѣ подобныя теплыя шапки , которыя , когда шерстью пускаются въ низъ , спрочащъ волосами и разпещряющъ бисеромъ. Волосы завязываютъ лѣсныя Тунгузы на запылкѣ плотно , и такъ ихъ оставляющъ не заплетая ; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую корольками унизанную накладку. Оленьи Тунгузы , когда волосы коротки , часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны на лицѣ , какъ у Американцовъ , Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ , а именно на щекахъ , на лбу , и на подбородкѣ синими почками выведенныя изображенія , представляющія пропаяженія , дуги или безпорядочныя виды ; пщеславныя родилели вышивающъ ихъ шести и десятилѣшнимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперва слюною , а потомъ около кошла въ сажѣ вычерненными нитками , которыя продѣваются сквозь кожу шокмо на пролещъ. Лицо крайне отъ таковаго шипья разгорается ; но синіе пятнышки или почки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единственно изъ пышности ; а въ прежнія времена , какъ и *Иродотъ* утверждаетъ въ разсужденіи *Фракіянъ* , означало оно героевъ. Многіе перевѣшиваютъ лѣшомъ черезъ плечо для путанья мужъ пучокъ конскаго волосу , и при томъ носящъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ , для выпиранія оною изъ глазъ мошки.

Женьщины носящъ такое же почно платье , какъ и мужчины , и не больше ихъ наблюдающъ чистоту и въ разсужденіи своего пѣла. Бабѣ и дѣвокѣ по платью ни какъ разпознаващъ

Тунгузъ.
Ein Tungus.
Un Toungouse.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ пыла.
 Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
 Un Tougouse en habit de chasse par derrière.

вать не можно. Бабье одѣяніе обыкновенно бываетъ нѣсколько попомяе, также по большей части красивѣе и опрятнѣе мужскаго. Нѣкоторыя носятъ около шеи узкія решетки изъ пронозокъ, покрывающія нѣсколько и грудь. Иные прицепляютъ къ плащю, послѣдуя обычаю Якушѣ, наперстки и другія брякушки (Удинѣ). Лѣшомъ носятъ многіе совсемъ изъ рыбихъ шкуроекъ, по вышеописанному порядку сдѣланное плащье. Женщины прудятся надъ всемъ темъ, что принадлежитъ къ одѣянью, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и спроченьѣ большее искусство, нежели какого бы чаять можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣтые Тунгузы и Тунгузки собою статны, миловидны, веселы, смѣлы въ поступкахъ, и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжаются совсемъ опмѣнно: но обѣ нихъ буду говорить послѣ.

Стелные или конные Тунгузы живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣе, совершенно сообразно Бурятамъ; и при томъ заплепаютъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреютъ всю голову.

Они ѣдятъ всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не исключая и хищныхъ, также ласпочекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падалщину, когда только не съ лишкомъ воняетъ; всѣхъ птицъ и рыбъ: но змѣи, ящерицы, лягушки, наѣкомые и черви кажутся имъ гнусны. Изъ царства растѣній заимствуютъ они себѣ въ пищу разные корни, вырываемые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ водящихся въ спранѣ ихъ особаго рода мышей (*), также опмѣнную свою сарану (**), комки изъ шарлыку (***) , совиной спрѣлы или молочайнику (****), разныя дикораспуція ягоды, а изъ правѣ больше дикіе роды прасу.

(*) Mus oeconomicus. Pall.
 (**) Lilium Martagon & pomponium.
 (***) Polygon vivipar.
 (****) Sangviforba.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоитъ кромѣ того что достаютъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солнцѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикораспу- щихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. За- пасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубятняхъ нашимъ подобнымъ чу- ланамъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или и на двѣ сажени на лѣси- нахъ срубленныхъ деревь.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопрятно. Мясa, какое бы ни было, опнюдь сыраго не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на де- ревянныхъ рожнахъ. Ъсва ихъ Силла есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣла- ютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленныя попрочи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда Нимни. Жиръ и сало ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. Копченое мясо и рыбы, равно то и другое на солнцѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго ва- ренія. Самая мерзкая ихъ ѣсва есть жареное или вареное мѣ- сто роженицъ, которое они въ первомъ случаѣ Силамою, а въ другомъ Едехалою называютъ. Опцы почитаютъ его наилуч- шимъ кускомъ, да и мапери опвѣдываютъ; при томъ созы- ваютъ для опвѣдыванія сей ѣсвы однихъ только наиве- личайшихъ друзей, къ которымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человекъ пожелалъ быть причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подать Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую рухлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломаху.

Они льютъ всегда чистую воду, весною по нѣскольку бере- зоваго соку, мясные и рыбные опвары, и вареную съ пьяною правою (*) съ серебаринными листочками, и съ шелухою ке- довыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слю-
на

(*) Rhododendr. davric.

на служила лѣшомъ къ утоленію жажды, то жуютъ липвичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ табаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и топъ курящъ изъ малевькихъ Кишайскихъ трубокъ, перемѣшавъ съ мхомъ: по чему и бываюшъ во всю жизнь свою презвы. Охоткія и другія сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа такъ, какъ Опяки и Якушы, мухоморы. Спешные и заживѣйшіе олени Тунгузы пьютъ лѣшомъ *переквашенное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ темъ, какой у насъ употребляется. Они спавятъ на кошелъ наполненной кислымъ молокомъ деревянное дупло, по срединѣ копорого находится решенчатая доска, у коей на верхней споронѣ сдѣланы желобочки, склоняющіеся къ боковой дупла скважинѣ. Съ наружи покрываюшъ они дупло на верху войлоками, а скважины около кошла замазываютъ глиною. Поднимающіеся отъ разложеннаго подъ кошломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собираются въ желобочкахъ и спекаюшъ боковою скважиною, къ коей придѣлана труба, проводящая ихъ въ сосудъ.

Въ обхожденіи они опнюдь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда ве слы и рѣдко одинъ другаго обижаютъ. Прозвъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ пребуетъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышитъ отказъ безъ огорченія. Нѣжности вышшаго спенени имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не видавшись, не здоровкаются; да и расстаются по большей части безъ прощанья, и слушаюшъ безъ примѣтнаго состраданія, когда говорятъ о нещасіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимаюшъ другъ друга, и при томъ иногда такъ плотно, что въ лицѣ оба посинѣюшъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужескаго; иногда стоишъ немалаго труда воздержатъ молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и такъ далѣе. Ласковыя ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дитетка (Ута),

бапюшка (Амениканъ), мапушка (Онимиканъ), спаричокъ и добринькой (Капшунъ). Упопребительнѣйшія же ругательства супь: воръ, бѣсъ, (Буни), прокляпой (Чилкуръ). За подарки почти и не благодарятъ: но при всемъ помѣ оказываются весьма услужливыми, провожаютъ своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣе, и доставляютъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ состояніи почитаются наибольшими. Сколько они голодъ сносить могутъ, сполько напрошивъ шого и ѣдятъ здорово, да при помѣ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хопя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя лезающей въ превеликомъ множествѣ мошки, которая крайне беспокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезыхъ головъ, какъ о помѣ сказано выше, небольшіе горшечки, въ которыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо такъ, что курево сіе по вѣпереди, но назади виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣпру: и такъ они безпреспанно бываютъ въ дыму, отъ чего около носу нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и ни какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считываютъ и то, когда выпрутъ овчиною, которую вытаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣтей выискиваютъ вшей, то гадину сію глотаютъ. Они не гнушаются и дѣтскими нечистями; сопливые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глотаютъ; много у нихъ и другихъ таковыхъ мерзостей. У людей живущихъ споль соопвѣтственно простотѣ чловѣческаго, не могутъ бытъ наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дѣти, будучи уже и нарочито взрослые, ходятъ не рѣдко совсемъ нагѣ; да и совершеннолѣтніе обоихъ половъ, однако не дѣвки, сидятъ также возлѣ огню нагѣ до половины, по естѣ имѣютъ на себѣ одни только коропенькія шпаны, или попрыгиваютъ въ такомъ же состояніи и въ своихъ юртахъ. По привычкѣ и по тому, что почти всѣ взрослые женаты, обычай сей безвреденъ и не соблазнительнъ.

Лѣсныя

Лѣсные Тунгузы при естественномъ, презвомъ и ненапужномъ житіи своемъ не прельщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая желѣзо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ по житейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напротивъ того дѣтей, здоровья и старости жагаютъ. Они любятъ дѣтей чрезвычайно: но сіи бывають имъ на старости и питомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которые имѣють четверыхъ дѣтей; а сіе происходитъ можетъ быть частью отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ дѣтей грудью, по естъ иногда и до пятого года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ пошъ часъ послѣ родовъ ходить; да и опкочовываютъ вмѣстѣ съ мужьями, которые почитаютъ ихъ чепыре недѣли послѣ родовъ нечислыми. Кто ни будь изъ приятелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя, какъ н. п. мальчикамъ: Шеминга, Уркунду, Лавинка, Атунга, и такъ далѣе; а дѣвкамъ: Аланмуръ, Оюкъ, Тунгилби и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагѣ, и обсыпаны во кругъ изпернымъ гнилымъ деревомъ; покрываютъ же ихъ шубнымъ лоскутомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имѣють женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у которыхъ по одной только женѣ. По елику всякъ спарается, какъ можно скорѣе, завеснись своимъ хозяйствомъ; по сочепаніе для обоихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по чему пятнадцатилѣтніе мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нерѣдки. Невѣсты они выкупають. Степные и конные Тунгузы дають за невѣсту выкулу (Шурунъ) отъ 20 до 200 всякаго скопа; олений Тунгузъ даетъ отъ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ платитъ за избраннаго своего шестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ. Приданое (Иши) равняется почти противу четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ отъ себя жениха платьемъ, которое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искусства ея въ выдѣлываніи кожъ и шипъ. По исполненіи рядной начинаютъ женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ торжественныхъ обрядовъ, когда же они переходятъ

жить въ новую юрту, по бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдять при томъ съ друзьячи своими и приятелями лошадей, олени оленя, а рыболовную же дикаго звѣря, какого къ сему случаю убить удастся, какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ даетъ обѣщаніе поднять шаковой споль жениховъ отецъ или свекоръ.

Увеселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣствованіи вымышленныхъ приключеній, копорья они иногда и воспѣваютъ, въ пѣсняхъ о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрипкѣ (Курь) о прехѣ спрунахъ; мужчины же забавляются больше бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадяхъ, и стрѣляньемъ изъ луковъ.

Болезней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рдѣніе глазъ отъ дыму, и цынга отъ невыычки къ спокойному жишью, суть обыкновенныя пиягости въ старости. Нѣсколько крапъ, да и за тридцать лѣтъ предъ симъ, весьма пагубна для ихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; спараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жершвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣянїи, и надѣляютъ ихъ шабашною и другою надобностью; мужчинамъ же даютъ и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, по погребаютъ его тамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе копятъ испашъ на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ полько камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкоторые, напротивъ того, желаютъ преданы быть погребенію или возлѣ родственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны отправляютъ приятели безъ всякихъ обрядовъ; а по томъ одинъ послѣ другаго помечуютъ

Тунгускоѣ Шамана въ рѣкѣ Аргунѣ съ мѣдью.
 Ein Tungusischer Schaman in dem Argun Fluß vorwärts.
 Devin toungeuse auprès de l'Argoun par devant.

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунь сзади.
 Ein Tungusischer Schaman am Argun Fluss rückwärts.
 Devin toungouse auprès de l'Argoun par derrière.

чуютъ покойника, спавя на могилу его пищу и питье: и сіе называется у нихъ Шитуралъ.

Законъ содержитъ языческой по Шаманскому толкованію. Верховное или всеобщее божество называютъ Боа, діавола Буги, а идолослужителей и волшебниковъ Шаманами.

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКІЕ НА- РОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россіянамъ въ послѣдней половинѣ шестаго надесяти столѣтія, и завоеваніе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣсцѣ и дикости тамошнихъ жителей, не могло производиться иначе, какъ покло медлительно. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному только слуху; занятіе же оной возпослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскіе острова. Въ 1727 году воспріяло начало свое Камчатское морское путешествіе подъ предводительствомъ Беринга, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскіе, также Японія, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣстахъ сихъ и на островахъ Россійскіе промышленники, Козаки и Купцы, и мало по малу обложены нѣкоторыя подушнымъ сборомъ. Чудкой мысѣ, называемой и Шелакскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ по большей части войскомъ состоявшимъ подъ предводительствомъ Маіора Павлуцкаго пройдена и завоевана; но дикіе тамошніе жители не всѣ пребыли въ повиновеніи.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя противуполагали препоны завоеванію и удержанію сихъ странъ, препятствовали и приобрѣщенію почваго объ нихъ свѣденія, по елику они по большей части не виданы были испытателями никогда. Все знаніе объ нихъ основано на изустныхъ преданіяхъ, которыя однакожъ въ отношеніи къ народамъ сихъ странъ, по елику успроенія ихъ и странныя въ житіи обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣннѣе, нежели качество холод-
ной,

ной, суровой и къ житію Европейцовъ почти вовсе неспособной земли, не столько не совершенны, какъ въ разсужденіи онаго естественнаго состоянія. Стеллеръ, Крашенинниковъ и Миллеръ, всѣ прое члены здѣшней Санктпетербургской Академіи наукъ, сообщили объ нихъ наипространнѣйшія и лучшія извѣстія: однако и разныхъ неученыхъ путешественниковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я почерпну и внесу сюда изъ шаковыхъ извѣстій все то, что до предмѣта моего касается.

Между сими народами Юкагиры съ Якутами, Чукчи съ Сѣвернѣйшими островскими жителями, Камчадалы съ нѣкоторыми Курильцами и Восточными островскими жителями, въ языкѣ и житіи нарочито сходствуютъ, а Коряки составляютъ какъ будто бы межоумокъ между Чуцкими и Камчадальскими народами. Но у всѣхъ столь великая разность въ языкѣ, житіи, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до произхожденія ихъ касающихся извѣстій или рачительныхъ испытаній не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по намѣренію моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ состоянія, описываю ихъ здѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденіи ихъ смежности, нежели по спланимому древнему ихъ единородству.

Ю К А Г И Р Ы.

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знатный народъ, кочующій въ ближайшихъ къ Сѣверу Якутскихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря, въ Восточной сторонѣ *Лены*, отъ *Ямы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ, почти столь же давно, какъ и Якуты, извѣстны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали платить подушный окладъ: чему пропихивались и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣстны: у Якутѣ напротивъ того оныя попадаются. И по тому думать надобно, что они издавна уже живущъ въ сихъ холодныхъ, болопистыхъ и гористыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Ямѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, платящихъ подушный окладъ за 287 душъ въ *Устьямское Зимовье*, которое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удядинскаго Зимовья* кочуютъ четыре поколѣнья, которыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 1369 верстъ въ Сѣверосѣверновосточную сторону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называются Юкагирами и состоятъ изъ 677 душъ. Они платятъ подушной окладъ въ зимовьяхъ при *Колымѣ*, изъ коихъ нижнее лежитъ въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосточную сторону во 100 верстахъ выше устья *Колымы*, впадающей въ Ледовитое море. Весь народъ платитъ подать за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ такъ трудно обыскивать, что число непереписанныхъ мужчинъ, также женъ и дѣтей, по крайней мѣрѣ въ четверо превосходитъ, въ отношеніи ко всему народу, помянутое количество.

Въ

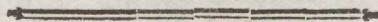
Въ разсужденіи вида и употребительныхъ у нихъ обрядовъ походящъ они на Якутъ, въ жипіи же сходствуютъ съ Семоядью. Одѣяніе ихъ такимъ же образомъ соспавлено. Въ языкѣ ихъ много Якутскихъ словъ, но ошнюдь не сполько, чшобы можно было почестъ его Якутскимъ нарѣчіемъ; ни они Якутъ, ни сіи ихъ никакъ не разумѣютъ. Идолослуженіе ихъ сходствуетъ съ Якутскимъ. Они кажутся бытъ особымъ и отдѣленныхъ народомъ еще и по тому, что живутъ совсемъ опщепясь и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они кочуютъ, какъ и Якуты, въ юртахъ, и заимствуютъ себѣ пропитаніе отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣніе, которое Коряки называютъ *Антялами*, имѣетъ, какъ слышно, всплошь пѣгихъ оленей. Ъствы у нихъ такія же, какъ и у Якутъ.

Они любятъ больше, нежели другіе Сѣверные жипели, упоеніе и бреженіе, и употребляютъ на такой конецъ табакъ да мухоморы, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только отъ одного до четырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣствуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію такового же дѣйствія способною: по чему оную и берегаютъ. Отъ употребленія мухоморовъ не примѣтно сильнаго въ крови волненія: но въ нервахъ производятъ они споль великое дѣйствіе, что нѣкоторые во время бреженія безпреспанно трясутся. Какъ Юкагирскіе, такъ и Тунгузоламутскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку таковой мочи. Въ прочемъ бываютъ такіе упійцы на спароспи глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, полсные и богашые; иные поютъ также лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и такъ далѣ. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Инымъ совсемъ не можно употреблять мухоморовъ, по тому, что послѣ оныхъ сами на себя остервеняются. Такое дѣйствіе производятъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснется женскаго пола; по чему презвые и отвращаютъ отъ того упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камчатку* составляетъ каменистый и безплодный хребетъ горъ, простирающійся отъ матерой земли *Коряковъ* между *Воспочнымъ* моремъ, также *Пеншинскимъ* морскимъ заливомъ и *Оходкимъ* моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ кряжѣ *Курильскихъ* Острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой *Японіи* продолжается. Сія земля, находящаяся между 51 и 62 степенемъ Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Воспочному своему положенію, которое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недостатка въ плодородной землѣ, и дѣйствія спужи особливо лѣтомъ, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житію людьми, и по справедливости почитается наисуровѣйшимъ мѣстомъ обширной *Россійской Имперіи*. Небольшое число *Россійскихъ* усадебъ на семъ полуостровѣ составляютъ остроги; да и тѣ разбѣяны, смотря по тому, какъ пребудетъ того надзираніе за *Камчадалами*, ссылочными людьми и торговыми, и сполнѣ казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сіи горы, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О *Корякахъ* буду говорить послѣ, а теперь опишу *Камчадаловъ*.

Камчадалы называются сами *Ительменнами*, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ *Камчаткою* по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго *Ительмена Кончата*, жившаго при оной.

Произхож-

Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtschadale en habit d'hiver.

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
 Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
 Une Kamtschadale en habit ordinaire.

Произхожденіе ихъ по недостатку въ бытійственныхъ свѣденіяхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними переменъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливымъ, съ нѣкоторыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ народомъ. Кромѣ Коряковъ, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ ни какіе другіе народы. Домашнія ихъ удобности совсемъ опмѣнны опъ скарбу другихъ народовъ, и толико просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣшенію оныхъ. Не меньше опмѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣльствуетъ, что они искони владѣютъ своими мѣстами.

Они раздѣляются и называются по рѣчкамъ, при которыхъ живутъ, и опъ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобства въ собраніи подати и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ Большерецкому острогу принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, которыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верхнему и Нижнему Камчатскому острогу причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ Тагильскому же острогу 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи непочнаго счисленія, также женьщинъ и дѣтей, положишь число душъ прошиву вышеписаннаго въ прое или и въ четверо; то количество народа будетъ при всемъ томъ для толико обширной страны весьма малое, и шемъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При томъ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камчадалы обыкновенно росту малаго, широкоплечи, головасты; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонки, ноги коротки, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ переменамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходятъ скоро. У женьщинъ въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще спатыны.

Народъ сей имѣетъ воображеніе проицательное и память добрую, да при томъ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлаютъ, и умѣютъ наипаче передразнивать иностранцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдаютъ; но какъ они никогда почти не разсуждаютъ, ошъ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни кемъ не предостерегаются, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущемъ, и такъ далѣе, то больше послѣдуютъ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ; и развращаются. Они чрезвычайно любопытны: по чему сны и толкованія оныхъ много дѣлаютъ имъ хлопотъ. Главная ихъ страсть похоть и веселость, кою рѣдко не со товариществуетъ безпечность и безприсрастіе къ прочимъ приятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣдность ихъ не шревожитъ; на звѣриной промыслѣ ходятъ для уполенія единственно голоду, и при томъ удаляюща ошъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на такое пространство, чтобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не нѣжность вкуса, но изобиліе въ пищѣ и хмель напшкковъ, ихъ прельщаетъ. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, которые жили въ такія времена, что бродили въ хижинахъ по самыя ладышки въ помояхъ, а нынѣ де и подошва едва подмокнетъ. Въ похоти скопу подобны; и по тому мужчины, во преки обыкновенію Воспощныхъ народовъ, добровольно раболѣспвуютъ женамъ. Похотливое соиптѣ съ мальчиками производятъ почти явно. Не меньше любовстрастенъ и женскій полъ, копорый полюбовниками своими не только хвалятся и допускаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовольствореніемъ ихъ похоти, но и употребляетъ несспешвенныя угожденія спраспи. Стеллеръ, жившій долго въ Камчаткѣ, почитаетъ причиною таковой ихъ неушолимой похоти ежедневное яденіе почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверхъ того праздность.

О чести и стыдѣ не опредѣленные имѣющіе они понятія: и по тому отъ суровыхъ поступковъ больше, нежели отъ ласковыхъ, спановаясь въ жливіе, услужливіе и меньше плутоваты. Одна лохоть да роздолье въ житіи возбуждающіе въ нихъ зависть: и по тому крадущіе покло женѣ да собакъ: но за шаковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне боязливы, мспящіе только сокровенно, и приходящіе въ опчаяніе и отъ самой малой опасности; не уповаю на грядущую жизнь, бывающіе склонны опвращать зло наспоящее, хопя въ прочемъ и суемысленное, самоубійствомъ. Не только осужденные на казнь, но и негодующіе, предпочитаютъ смерть горестной жизни или сопряженному съ казнію болѣзнованію. Успарѣлые и изувѣченные Камчадалы еще склоннѣе, нежели древніе Сѣверные народы, копорые спариковъ своихъ побивали, поднимающіе на самихъ себя руки. Болѣзненныхъ спраданій сносить не могутъ. Когда родящія близнецы, по охотно одного изъ нихъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременные женщины, копорыя много имѣютъ дѣшей, или чувствуютъ себѣ отъ нихъ помѣху въ исповой своей спраспи, изводятъ ихъ умысленно, и такъ далѣе. Смерть же, хопя и мучительную сносятъ злодѣи и больные весьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже иныхъ какихъ знаній, кромѣ пѣхъ, къ какимъ руководствуютъ необширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ собственной языкъ, копораго корень походитъ на опрасль Монгольскаго языка, и копорому прудно учись по тому наипаче, что они названія вещей внѣ обласпи ихъ находящихся не заимствуютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствомъ, копорымъ они имъ попадаются. Они такъ, какъ и мы, считаютъ до десяти, а по томъ повторающіе. По большой части и на первомъ десяткѣ берутъ уже на помощь пальцы. Неизчислимость извѣляютъ они чрезъ сжиманіе пальцевъ, или шемъ, что хвапаятся за волосы.

Лѣтній годъ состоитъ изъ лѣтняго и зимняго годовъ, которые они раздѣляютъ по луннымъ печеніямъ (Тава), а сіи называютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ н. п. кокушкинъ мѣсяцъ (Конкуачъ), когда начинается кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы числятся по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ по по бывшимъ мятежамъ, по свирѣпствованію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдають между собою по семьямъ. Всякое семейство живетъ въ особомъ оспрожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ пѣхъ оспрожкахъ, гдѣ женятся. Большой оспрожекъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренной оспрожекъ пользуется нѣкоторыми преимуществами по тому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и божества ихъ Кутки. Старшинъ оспрожка оказывается нѣкоторое, однакожъ малое, повиновеніе. Они наказываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ темъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признають и презирають; послѣднихъ же выдаютъ обиженнымъ, которые часто поступаютъ съ ними жестоко.

Въ прежнія времена бывала часто между нѣсколькими оспрожками, наипаче изъ похищенія женъ, междуособная брань, по случаю которой произошли небольшіе владѣльцы (Тоюнъ), которые прошивниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто Коряковъ, и иногда выигрывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣливались завѣдомо вступитъ съ неприятелями своими въ сраженіе, но пакъ, какъ во время мятежей бываетъ, нападали на нихъ нечаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ оспрожкѣ, на которой бывало такое нападеніе, кололи иногда мужья своихъ женъ, а по томъ боясь горшей участи, и самихъ себя. Собственные ихъ оружія суть лукъ, стрѣлы и конья съ заостренными костью, да сверхъ того дубины.

Нынѣшнее ихъ устройство, которое паковыхъ междуособныхъ браней не терпятъ, такое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскихъ начальниковъ, и даютъ заложниковъ или аманатовъ. Подать ихъ состоятъ въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто котораго принимаютъ онѣ ихъ такъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую праву, инако Сибирскимъ борщомъ (*) называемую для куренія вина.

Они живали всегда такъ, какъ и нынѣ, въ одномѣстныхъ селитьбахъ, которыя укрѣпляли прежде земляными или и каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя онѣ Россіянъ оспрожками; да и нынѣ такъ же называются, хотя укрѣплятъ и запрещено. Оспрожковъ прежнихъ деревень такое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣсколько крапъ многолюднѣе нынѣшняго. Всякій хозяинъ обще съ домочадцами своими имѣетъ по одной зимней и лѣтней юртѣ. Зимнія хижины вырываются подобно четвероугольнику въ землѣ, глубиною онѣ 3 до 5 фушовъ, обносятся палисадами и имѣютъ плоскія стѣны, покрываемыя хворостомъ, сѣномъ и землею. Входомъ служишь опверстіе, сквозь которое по подрубленному ступенчато бревну въ низъ опускаются и въ верхъ выдѣзаются, и которое такъ, какъ и другое насупротивъ сего опверстіе для выхода дыму и проходу воздуха, служишь и вмѣсто окна. Лѣтнія хижины (Пемъ) обѣ нѣсколькихъ углахъ или круглы, и подобно нашимъ голубяшнямъ стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною онѣ земли сажени на двѣ. Столбы нѣсколько одинъ къ другому понаклонились, по чему хижина подобна видомъ кеглю. Стѣны и пополокъ деревянные; крокутъ же длинною правую. По елику хижины не велики, то стоятъ по нѣсколку рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Вѣпрѣ по большой часни шапаетъ ихъ не мало. Подъ паковыми же хижинами, которыя по причинѣ топкой земли нужны, привязываются собаки.

(*) *Heracleum Sibiricum*. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальныя мѣста жердями. Въ мѣсто постели служивъ сдѣланная изъ правы рогожа. Лодки ихъ (Коачпанна) и лады (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. Собачьи санки такъ, какъ у Опяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ яцику коробомъ. Лыжи ихъ такія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывателей. Мѣшки дѣлаютъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а сосуды изъ дерева и береспы. Въ старыя времена почтили они себѣ попоры и ножи изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбныя кости, и такъ далѣе. Нынѣ же имѣютъ порядочныя кошлы, попоры, ножи, иные лакированные Японскіе либо и крушцовые сосуды, булавки и сему подобное.

Стрелушція, да погреба ведутся у нихъ больше по старинному обыкновению. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ язычниковъ, ѣдятъ всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ: однакожъ не только ящерицъ и проч. но такъ же собакъ и мышей ѣсть не любятъ. Мерзвые кипы, тюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ опмѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляютъ такъ, какъ и нѣкоторыя правы не только лѣпомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. По елику у нихъ нѣтъ скотоводства, по они не сполько, какъ скотоводствующіе народы, имѣютъ и поводу ѣсть падалыцину. Приготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, которую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ походитъ въ сіе время на гуцу кожевеннаго квасу. Солега варится изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой правы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. Токала есть не иное что, какъ сушенныя на солнцѣ рыбы спинки, которыя не варя ѣдятъ. Икру сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. Чулриками называютъ они крѣико копченныя и почти прожаренныя, а Гурготами такія рыбы, которыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегнили такъ, что ихъ отпуда черпаютъ. Они воняютъ чрезвычайно, но при всемъ томъ Камчадалскому вкусу не прошивны. Соль мало у нихъ употребляется, а хлѣбъ и вовсе имъ незнакомъ.

Обыкновен-

Обыкновенное ихъ питье чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полушечной травы или лугового чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для упоенія, которое мужчины крайне любящъ, женщины же напрошивъ того жалуютъ презвѣя увеселенія и иногда не упиваются, употребляли прежде одни только мухоморы, о которыхъ упомянуто такъ же при описаніи Опяковъ и Юкагиръ, и которыхъ пьютъ Камчадалы съ уваромъ изъ листочковъ помянутого лугового чаю. Нынѣ же курящъ на такой конецъ табакъ и достаютъ отъ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куренное.

Старинное одѣяніе обоихъ половъ во многомъ опмѣнно отъ нынѣшняго, по тому что они къ собственнѣйшей своей одеждѣ присовокупили много чужаго. Камчадалъ одѣтый по прародительски ходитъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они такъ же лѣтомъ на зѣбриной и рыбной промыселъ) препоясавшись кожанымъ изрядно вышитымъ поясомъ, безъ штановъ; въпереди виситъ сумка, а назади кожаной заповъ, по голому шѣлу; слѣдовательно онъ почти нагой. Нынѣ же носятъ они подъ поясомъ рубахи. Штановъ надѣваютъ теперь по двое, которыхъ шьются по коспи и завязываются подъ колѣнками; нижнія или такъ сказанъ портки дѣлаются изъ выдѣланной кожи, а верхнія, кои достаютъ до самыхъ пятъ, изъ мягкой ружьяди, которую волосомъ пускаютъ къ верху. Ноги обвертывали они прежде правою, или носили и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же есть у нѣкоторыхъ и чулки. Обувь дѣлаютъ изъ тюленвыхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбьихъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ лоскутковъ и крашеной гладкой кожи составляютъ и красиво спрочашъ: ша и другая привязывается около ладыжекъ. Верхнее одѣяніе состоитъ въ двоякихъ шубахъ, которыхъ они прежде носили на голомъ шѣлѣ, нынѣ же надѣваютъ подъ нихъ рубахи изъ холста, кипайки, камки или шелковой матеріи: всѣ сіи товары покупаютъ у Россіянъ. У нижнихъ шубъ, которыхъ они почти одни только надѣваютъ, и кои называются у нихъ ларками, есть въ верху такой почно, какой бываетъ у рубахъ, воротъ, сквозь которой едва проходитъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шу-

Они сіи дѣлаются изъ оленьихъ или тюленьихъ кожъ , выкрашенныхъ съ внутренней или заковой стороны ольховою корою въ темной цвѣтѣ ; въ подолѣ разпещрены по Тунгузскому обыкновению красивымъ шипьемъ и обложены не только бахрамою , но и долгими волосяными пучками . Они носятъ ихъ на обѣ стороны , однакожъ больше волосомъ къ шѣлѣ . Верхняя шуба (Кукланка) подобна такъ же рубахѣ , токмо разпашная въ верху и въ низу ; дѣлается же изъ оленьихъ , а больше изъ собачьихъ кожъ . Она полѣе нижней шубы или Парки , и достаеиъ до самыхъ ладыжекъ . Около воротника видна косматая собачья шерсть , и такъ же , какъ въ подолѣ и около рукавовъ , широкой опороченной или вичурами разпещренной , всегда бахрамою обширой рубецъ , да сверхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки , дабы темъ страннѣе казалась шуба ихъ взору . На зади виситъ шенлая сумка , для надѣванія , по примѣру Опяковъ , на голову . Въ переди же держится лоскутъ собачьей кожи , которымъ покрываютъ ночью лицо . Все вообще кожаное обращаютъ шерстью на ружу . Голову покрывали въ прежнія времена зимою шалкою изъ пшичьихъ перьевъ или и изъ мягкой рухляди , либо ремнемъ , опъ кошораго висѣли въ низъ лоскутъя какого ни будь мѣху ; а лѣтомъ заслоичною шлялою изъ дерева , коры или перьевъ , по примѣру Американцовъ на находящейся опъ Камчатки къ Воспоку маперой землѣ . Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки .

Женщины ходятъ въ шпанахъ , (а нынѣ сверхъ того въ рубахахъ и чулкахъ) въ башмакахъ , сапагахъ , Паркахъ и Кукланкахъ , подобныхъ мужскимъ . У Кукланокъ ихъ виситъ на зади хвостъ . Они обыкновенно опорачиваютъ ихъ дорогою мягкою рухлядью и разпещряютъ красивыми вичурами ; носятъ же на обѣ стороны . Рукавицъ и ночью не скидываютъ . Дѣвки заплетали прежде волосы , по примѣру Ташарокъ , въ нѣсколько маленькихъ косъ , копорыя кругомъ запылака висѣли ; нынѣ же расчесавши волосы , заплетаютъ на запылакѣ въ одну косу , копорую украшаютъ лентами , корольками и прочимъ , и носятъ головную повязку . Бабы заплетали такъ же волосы въ нѣсколько косъ , копорыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу ,

Камчадалка въ хорошему платьѣ.
 Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
 Une Kamtschadale en habit de fête.

Камчадалка въ великолѣпнаѣмъ уборствѣ.
 Eine Kamtschadalin im grössten Schmuck.
 Une Kamtschadale dans sa plus grande parure.

косу, и увеличивали сію накладными волосами. Нынѣ же повязываютъ голову плапкомъ, или надѣваютъ Рускіе кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными брякушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многіе, когда захопятъ пощеголять, наряжаются совсемъ по Руски, мужчины въ цвѣтные суконные кафшаны, кои нерѣдко бываютъ и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковыя рубахи съ манжетами, въ сарафаны, шифли, шелковые плашки, и проч. Такой нарядъ сполнитъ мужу и его семьѣ въ Камчаткѣ около 100 соболей или лисицъ. Въ спарину никогда они не умывались; нынѣ же многія женщины уже бѣлясь гнилымъ деревомъ и пережженою слюдою, и румянятся особою морскою правою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же упражняются въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. Звѣриный промыселъ, который надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, спановится отъ часу хуже; одному человѣку надобно прилежно попрудиться, чтобы промыслилъ въ зиму лисицъ до десяти, и такъ далѣе. Въ рыбной ловлѣ, при которой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и прехзубчатыя вилы, подобныя Тунгизскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они строятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сани и щепяную домашнюю посуду, рубятъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сіи послѣднія желѣзцами отъ разбиныхъ чугунныхъ копловъ, которыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ праву на рогожи, и варятъ во преки обыкновенію другихъ народовъ, Ъспвы. Другъ другу пособляютъ и сужаются чѣмъ могутъ, не изъ прибыли, но по приязни. Корякамъ промѣниваютъ соболей, лисицъ, бѣлая собачья шкуры и сушеные мухоморы для упиванья, на олени и другія кожи. Многіе нанимаются служить Россійскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ путешествіяхъ къ островамъ, и какъ

судовщики или корабельные служители, звѣринные промышленники и полмачи, спаровываясь имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ кропивныя нитки, плетутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбій клей, собираютъ коренья, ягоды и травы, а особливо Сибирской борщъ, и проч. Кожи выдѣлываютъ на чистю по большой части выскабывая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленнюю же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ шитье и спроченье плащя звѣринными жилами или нитками; при чемъ употребляли сперва косяныя шилья, по томъ Японскія, нынѣ же Россійскія иглы. Кропивная пряжа употребляется только на неводы и канаты. Клей рыбій достаютъ съ киповыхъ и другихъ рыбихъ шкуръ. Когда имѣетъ кно оленей, то сморѣние за ними, такъ какъ и кормленіе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражаніи Россіянамъ, ведутся еще у нихъ многія и отъ части странныя обыкновенія, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ состоянію суровой ихъ страны. Они и теперь еще охотнѣе вытираютъ огонь изъ дерева, нежели высѣкаютъ посредствомъ булата, кремня и прутья. Что касается до способа ихъ вытиранья огня изъ дерева, то оный состоитъ въ томъ, что верпяиъ они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого ни будь дерева до пѣхъ поръ, пока не загорится, и употребляютъ при томъ избыточную праву въ мѣсто прутья. По елику собаки единственныя ихъ дворовая скопина; но они почитаются у нихъ за великую и содержащую въ значномъ количествѣ. Они кормятъ ихъ рыбными костями, и оспашками какъ отъ рыбъ, такъ и отъ дичи. Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляютъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ груза. Въ сани впрягаютъ они обыкновенно отъ чепырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ пропы, шамъ долженъ извоцикъ иппи въ передъ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ того иппи

ти пѣшкомъ; а подѣ гору бѣгутъ собаки и сами такъ скоро, что едва можно усидѣть. Они переѣзжаютъ на шаковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ аспановки часовъ въ пятнадцать больше 100 верстѣ. Камчадалы слятъ на правяныхъ рогожахъ и шубахъ нагѣ, и прикрываются одежею. Во всемъ своемъ поведеніи крайне они неопрятны, и по елику лѣнивы и безпечны, по часпо шерпяиъ великую нужду. Они не чиспятъ и пои посуды, изъ копорой ѣли собаки. По большой часпи заводны они изрядно и вшами, копорыхъ по Тунгузски глошаютъ. Почти всѣ запусаютъ ногши, и нечиспопою какъ будпо облѣлены. Прежде, нежели начали они покупать у Россіянъ коплы и чугуныя горшки, не умѣли они иначе варить себѣ лицу, какъ шокмо опуская каленныя камни въ ушанъ наполненной рыбою или мясомъ. Женщины вмѣняютъ себѣ, кромѣ блалѣ и румянъ, въ красоту еще и по, когда облѣняютъ лицо верхнею кожецею медве жыхъ кишковъ. Они иногда и занавѣиваются, или по крайней мѣрѣ опворачиваютъ рожу опъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнія времена ѣли шогда, когда было вздумается, а нынѣ наблюдають облѣдъ и ужинъ; всякую ѣспву ѣдятъ холодную и темъ предохранють зубы свои опъ поврежденія. Всякъ беретъ часть свою на дощечкѣ передъ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они прожорливы, да и лютъ много. Всякъ спавишъ возлѣ ночлега своего сосудъ съ водою, копорой по упру всегда бываетъ пуспъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ гостямъ ради: по при шомъ поступаютъ спранно. Хозяинъ крѣпко напавливаетъ зимнюю свою хижину и пощуетъ гостя худою своею ѣспвою. Чемъ больше онъ плюетъ, темъ прилежиѣе онъ ему подкладываетъ. По шомъ всемъ, что бы у него ни имѣлось, пощупается гостю. Но и по надобно сказать, что безъ нужды никто въ гостіи къ нимъ не заглядываетъ; при шомъ же ходятъ съ гостинцами, и шомъ, кпо сего дня хозяинъ, будетъ скоро и самъ въ гостяхъ. У народа не купечествующаго и обмѣномъ поваровъ не промышляющаго обыкновеніе сіе полезно. Понеже убіеніе медвѣдя почитается мужесшвеннымъ и славнымъ дѣломъ, по пощуетъ герой гостей своихъ полосами изъ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, опъ коихъ гостіи одинъ за другимъ кусаютъ по кусочку, и такъ далѣе.

Въ обхожденіи спарается мужескій полъ понравиться женскому пламенной любовью, услужливостію и покорностію. Мужчины обходясь между собою холодно, безъ поклоновъ, здоровканья, подаванія рукъ, цѣлованья и безъ всякихъ другихъ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютъ другъ друга собакою (Косга), сорвавшимся съ висѣлицы (Кодахвичъ), бѣсомъ (Кана), прелюбодѣемъ (Кайкчичъ); а особливо попрекающъ другъ друга неестественнымъ угожденіемъ похоти.

Забавы ихъ состоятъ въ ѣдѣ, питьѣ, пѣніи, играни на дудкахъ изъ правяныхъ сволоиковъ, пляскѣ и сказкахъ. Пѣніе есть женская забава. Голосъ у нихъ изрядный, и поютъ обыкновенныя, а иногда и шакія пѣсни, какія взбредутъ имъ на умъ. Пляска весьма сходна съ Опякскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторыя переняли оную у Курильцовъ. Въ иныхъ пляскахъ пляшутъ оба пола вмѣстѣ и при томъ поютъ. Разказы же ихъ суть повѣствованія о бышійхъ или сказки о божкахъ, богатыряхъ, звѣриныхъ промышленникахъ и предкахъ.

Женитьбы производятъ безъ всякихъ торжественныхъ или законныхъ обрядовъ. Женитьба называется у нихъ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брать столькохъ женъ, сколько хочеть; но какъ мужа у бабъ въ порабощеніи, то рѣдко кто посягаетъ больше, нежели на одну жену. Любовникъ оказывается въ хижинѣ невѣстпныхъ родителей весьма услужливымъ: по услуги его, когда онъ не полюбитъся, не принимаются. По томъ унаравливаетъ онъ случай поимать невѣсту, то есть, положишь ошейной свой уборъ въ ея штаны; при чемъ получаетъ отъ защищающихъ ее бабъ добрыя пощечки. Съ сего самаго времени начинаютъ они безъ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и оспаютъ въ хижинѣ невѣстпныхъ родителей. Такое качество молодыхъ женьщинъ, по какому Камычки у Киргизцовъ предпочитаютъ, столько же не нравится Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Оракіянамъ, какъ пишетъ Иродотъ. И по тому дѣвки обходясь съ Рускими людьми безъ всякой укоризны шакъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного Козака

*Шаманъ Камчатской.
Ein Schaman in Kamtschatka.
Devin de Kamtchatka.*

Козака и по цѣлой серали. Для вдовы до пѣхъ поръ не сыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соипіе съ мужчиною не очистишься отъ грѣха; и какъ при помѣ Камчадалы боясь, чшобы чрезъ по не умереть подобно первому мужу, по Козаки обыкновенно очищаютъ таковыхъ вдовъ отъ мнимаго грѣха. Женские мужчины и замужнія бабы живутъ правда весьма нечестиво: однакожъ при всемъ помѣ перзаются ревнивостію, убиваютъ или оправляютъ другъ друга, и такъ далѣе. Разумнѣйшіе промѣниваютъ своихъ женъ, когда они постороннимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По елику они въ уполеніи похожи подобны скопу; по, кромѣ родителей и дѣшей, ни какихъ родственниковъ не щадятъ.

Многія женщины ненавидятъ беременность: но иныя и дѣшей желаютъ нетерпеливо, и въ такомъ намѣреніи прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ средствамъ, глопаятъ паузину или заставляють волшебницъ дѣлать свои хитросети и колдовства; сіе производятъ поржественно и какъ будто замѣняютъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочито плодородны и родятъ дѣшей до десяти; да припомъ и роды имъ легкія. Имена даютъ дѣшамъ прихожіе приятели. Употребительныя же названія суть: Коско, Пакагуръ, Алгана и проч. Къ дѣшамъ оказываютъ безумную любовь и во всемъ пошачку: по чему они родителей своихъ не только не почитаютъ, но и сурово съ ними поступаютъ.

Они по большей части здоровы и бодры: но многіе изувѣчиваютъ себя, когда сорвущя съ горы, опрокинувся съ собачьими санями, и отъ многихъ другихъ несчастныхъ приключеній. Болѣзни имъ крайне прошивны, и по тому за больными худо смотрятъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни суть: цынга, отъ которой дѣшатъ свѣжія ягоды и сырыя рыбы, кровавые вереды, Французская немочь, которая была у нихъ еще до прибытія Рускихъ людей, параличь, ракъ, желчь, и гноеніе глазъ отъ сморѣнія на снѣжную бѣлизну. Въ прежнія времена прививали они дѣшамъ ослу такимъ образомъ, что дѣлали имъ на лицѣ царапину обмоченною въ оспенной гной рыбьею костью.

Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, что перевелось и сѣе обыкновеніе. Въ 1768 году занесена она къ нимъ паки давно уже выздоровѣвшимъ отъ сей болѣзни Козакомъ: и тогда примерло отъ оной почти двѣ трети всѣхъ вообще Камчадалъ.

Когда бывало умереть кто въ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судія преисподней придетъ въ оную, и кого ни увидитъ, всѣмъ шѣмъ надобно умереть. По причинѣ же трудности, сооронить новую хижину, безъ попоровъ и прочаго, выносили они больныхъ на дворъ. Нынѣ обыкновеніе сѣе не столь уже общее: однакожъ они не охотно живутъ въ такой хижинѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ прежнія времена сѣбѣдаемы были умершіе въ юрпы собаками; но теперь сѣе рѣже случается, по тому, что почти всѣхъ покойниковъ загребаютъ въ землю, а дѣшею кладутъ въ дулисныя деревья. Могильники пролѣзаютъ дважды, дабы возпрепятствовать смерти въ ея преслѣдованіи, сквозь вылепленной кругъ, и взявъ двѣ пшцы, какія бы ни были, одну сожигаютъ, а другую ѣдятъ. Потомъ поминая покойника сѣбѣдаютъ одну рыбу, а перышки сожигаютъ.

Древній и собственный ихъ законъ Шаманскій, а идолослуженіе ихъ подобно наибольше Якутскому. Высочайшаго Бога называющъ они *Дустаехшичомъ* или и *Куткою*, сапану *Канию*, идоловъ, которые стоятъ въ хижинахъ супротивъ отдушинъ и не иное что суть, какъ деревянные куклы, *Нузаучами* и *Камулами*, а волшебниковъ *Гуйсагасами*.

По причинѣ меньшаго къ собственной своей неправой вѣрѣ уваженія, а къ высочайшему Существу почтенія, такъ какъ и по склонности къ подражанію, мало по малу большая ихъ половина обращена къ Христіанскому закону. Но они столь же легкомысленныя Христіане, каковы были и язычники, не любятъ и не боясь Бога, шуютъ провидѣніемъ или вышнимъ промысломъ и въ желаніяхъ своихъ нарочито зашѣины. Царствія же небснаго, какъ шакого обипалища, кое не общаетъ удовольствованія ни одному ихъ желанію, не спавятъ они и подавно ни во что.

КОРЯКИ.

Коракъ.
Ein Koräke.
Koräk.

К О Р Я К И.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе происходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкѣ значить оленя. Они живутъ и кочуютъ около склонившейся наибольше на Сѣверѣ части Пеншинскаго морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыра, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Восточнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами, Тунгузами, Ламутами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болопныхъ, гориспыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія происшествія оспраются въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни граматы, ниже инаго какого ученія. Самое по обстоятельству, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Оспровскими Восточнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по ту сторону пролива морскаго, подастъ поводъ думать, что они такъ, какъ и Чукчи и пошакowymi же причинамъ, владѣютъ искони своими берегами. Сталъ-ся можетъ, что всѣ сии народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселяна, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи оспрововъ отъ оныхъ отдѣлены: но для починѣйшаго подтвержденія сей догадки преобладающія бышійственныя извѣстія и обстоятельнѣйшія свѣденія о народахъ по ту сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожъ по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣялись вскорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣетъ съ языкомъ Чукчъ и нѣкоторыхъ оспровскихъ жителей споль много общаго, но при томъ такъ же ошибнаго и собственнаго сполько, что съ равною справедливостію можно его почищать и нарѣчать онаго, и совсемъ осо-

бымъ языкомъ. Слова пропаяжны, но выговариваются коротко, и произношеніе оныхъ слуху пропивно. Время раздѣляюшъ полько по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при помъ лунныхъ печеній.

Росту они малаго; голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, такъ и на бородѣ черны, и при помъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. Умъ у нихъ коснительной и шупой; въ прочемъ же гордятся своею землею и устройствомъ, смѣлы, недовѣрчивы и мспишельны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренія ихъ Россіи не знавали они, что по есть верховный начальникъ или Государь; одно полько богатство служило основаніемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ такія, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ учрежденія и распоряженія; плащамъ полушной окладъ мягкой рухлядью, и такъ далѣе. Однакожъ они не сполько, какъ описанные по сіе время народы, подчинены властямъ, и сіе справедливо наибольше въ разсужденіи кочующихъ Коряковъ: по чему они не почно переписываются и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по таковымъ переписямъ, по они числомъ душъ равняются съ Камчадалами.

Они раздѣляются, примѣняясь къ тому, какъ живутъ, на усадебныхъ и на кочевыхъ. Тѣ и другіе числомъ между собою почти равны, говоряшъ разными нарѣчїями, и поступаюшъ одни съ другими рѣдко по братски, а иногда и прямо по непрїятельски.

Усадебные, которые кочевыхъ далеко превосходятъ крепостію нравовъ, владѣюшъ склонившимся больше на Югъ мѣстами своей области около Пеншинскаго залива, а отъ части и въ самой Камчаткѣ. Хижины ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, всѣ же прочіе ихъ распорядки по большей части такіе же, какъ и у Камчадалъ. Одежаніе ихъ малымъ чемъ отличино

мѣнно отъ наспоющаго Камчадалскаго. Но женщины Корякскія вышиваютъ у себя на лицѣ по примѣру Тунгузокъ линии и фигуры. Пища и пригошвленіе оной такое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ упражненіе состоить въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ потъ, такъ и другой промыселъ, а особливо первой, производятъ съ большимъ раченіемъ, нежели Камчадалы, да и ѣствы варятъ не мужчины, какъ то дѣлаютъ Камчадалы, но бабы. Остальную добрую мягкую рухлядь промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на оленьи кожи, изъ коихъ шьютъ одѣяніе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше оленей, какъ сколько надобно имъ для путешествій. Женскій полъ шьетъ одѣяніе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушитъ сѣспное, и такъ далѣе, по Камчадалскому обыкновенію.

Въ обхожденіи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимаютъ и угощаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случится, но ни кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренному себя опягощенію. Въ хижинахъ ихъ чрезвычайно жарко, и по тому бабы ходятъ въ нихъ нагишомъ. Зимой ѣздитъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягаютъ оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, который жметъ оленю шею, когда за оной попятнуетъ. Часто впрягаютъ они рядомъ и по два оленя, и могутъ тогда переѣзжать въ день верстъ по полтора ста. Лѣтомъ путешествуютъ нѣшіе, по тому что нѣтъ у нихъ обыкновенія ѣздить верхомъ на оленяхъ.

Кочевые Коряки странствуютъ въ лежащихъ наиблизе къ Сѣверу своихъ мѣстахъ около Анадыра, смежно съ Чукчами и другими народами; но не рѣдко простираютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Нравы у нихъ суровые и дикіе: и по тому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываетъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнупыхъ жердей или кольщиковъ, подобно Барабинцкимъ, только поменьше, и покрывающа оленьими кожами. По срединѣ ушверждены чешыре небольшіе сполба, къ коимъ привязываютъ собакъ; а сіи нерѣдко опоражниваютъ и висящій по срединѣ надъ огнищемъ кошель. Одѣяніе носятъ такое же, какъ и усадебные Коряки или Камчадалы; разность же состоитъ только въ томъ, что сіи бредятъ голову и выпереблываютъ бороду почти до гола.

Главное ихъ упражненіе есть содержаніе оленей, да сверхъ того звѣриный промыселъ. Въ произвожденіи рыбной ловли не очень они проворны. У нихъ по большой части бываетъ оленей по 50 и по 100, а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячъ, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болопныхъ или мшистыхъ мѣстахъ и горахъ безпрестанно. Оленей они не доятъ, и по тому ни пвороговъ, ни сырѣ имъ незнакомъ. И самый богатый человекъ рѣдко когда убиваетъ здороваго оленя, но довольствуется больше падающею или изувѣченными оленями, по чему спада у нихъ спавнясь весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускаютъ въ ихъ спада для паспвы небольшое число своего собственнаго скопа. Всякій звѣрь, какого кто ни промыслитъ, почитается безъ извѣстія изрядною вѣтвою. Сверхъ того собираютъ бабы дикое коренье и плоды; и все сіе сѣдаютъ они тогда же, когда промыслятъ, не сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточе, воинственнѣе и опаснѣе, нежели усадебные. Часто ходятъ они на разбой и для другихъ шалостей къ смиреннѣйшей своей брашніи или къ сосѣдямъ. Передъ шакowymi предпріятіями придають они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. Оружіе, какое употребляютъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоитъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искусство въ нападеніяхъ. Воровать, грабить и убивать почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производится въ томъ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ шаковой

Корякъ въ сборномъ платьѣ.
 Ein Koräk im Staats Kleide.
 Un Korek en habit de fête.

Koräuka.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.

вой злодѣй живеть, а не въ другомъ какомъ поколѣннѣ или не у чужаго какого человѣка. Самымъ большимъ удовольствіемъ счишаютъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осматривать оленные свои стада, копорыя, когда размножашся, раздѣляютъ. Они часто, да и по большой часпи, споль велики, что и счишать не можно: однакожъ хозяйнѣ шопѣ часѣ примѣшатъ, когда какого оленя недоспаетъ.

Коряки вообще имѣютъ по нѣскольку, а иные отъ трехъ до четырехъ женъ, копорыхъ не покупаютъ, но такъ же, какъ и Камчадалы, выслуживаютъ либо похищаютъ. Богатые, не уважая кровнаго родства, спастаются при богатыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадебные держатъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ стадамъ для сморѣннѣ за оными. Кочевые крайне мучатъ женъ своихъ ревнивостію. Иная жена и умираетъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; по же самое происходитъ и съ побочными дружками. И по шому спараются бабы казашся прямомерзкими, не чешутъ головы и не умываются, ходятъ кругомъ выпачкавшись и оборвавшись, и проч: ибо мужья почишатъ на вѣрно, что они наряжаются шолько для полюбовниковъ. Усадебные ошибаются, напрошивъ шого, чрезъ непомерно великую поировку. Они счишаютъ себѣ по за удовольствіе, когда жены ихъ нравятся другимъ, и когда поспороннѣ люди къ нимъ ласкаются: по чему и должны они наряжаться какъ можно получше. Они опдаютъ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почишатъ принятіе оныхъ знакомъ суцаго дружества; опричаніе же отъ таковаго доброхошнаго даяннѣ вмѣняютъ себѣ въ оторченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣкопорыми Южными Американцами, и о копоромъ упоминаетъ такъ же какъ Варухъ, такъ и Иродотъ въ разсужденнѣ древнихъ Вавилонянъ, неприятно у Коряковъ для гостя по шому, что долженъ онъ полоскать ротъ мочою, копорую наложница въ виду его выпускаетъ въ чашку и подноситъ ему для таковаго полосканнѣя.

Дѣтямъ даютъ имена спарухи. Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бываютъ; сосутъ же грудь обыкновенно до шрепьяго

прѣшняго году. Кочевые Коряки дарятъ дѣшею скотомъ: по чему они съ малыхъ лѣтъ учаща порядочно со скотомъ водиться. Роженица первые десять дней послѣ родовъ ни кому не кажепса.

За больными смотрятъ они прилежно, и стараются пособить имъ своимъ волшебствомъ.

Кочевые Коряки сожигаютъ всѣхъ, усадебные же большую половину покойниковъ. Они дѣлаютъ коспры, къ коимъ опвозятъ умершихъ на саняхъ, запряженныхъ оленями, и сожигаютъ ихъ тамъ въ наилучшемъ одѣянїи совокупно съ оружіемъ и домашнимъ скарбомъ. Запряженныхъ въ пакте подъ покойника сани оленей убиваютъ, ѣдятъ ихъ мясо, а ошпапки бросаютъ въ огонь. На поминкахъ убиваютъ также оленей.

Коряки содержатъ языческой законъ по Шаманскому толкованїю, и въ обрядахъ своихъ сходствуютъ больше съ Камчадалами.

Ч У К Ч И.

Чукчи, которые споль же обыкновенно, да при помѣ и сами, называются Чукотскими людьми, въ видѣ, жишїи, нравахъ и языкѣ такъ подобны Корякамъ, что должно ихъ почитать единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они владѣютъ Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовитому и Восточному морю, начиная отъ Колымы и Анадыря; и сія занимаемая ими страна называется Чуцкимъ или Шелацкимъ носомъ. Земля ихъ по положенію своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто тамъ короткое, но дни долгіе; зима продолжительная и ночи долгія; и она для Еврейцовъ съ маперой земли непроходима и къ жишью не способна.

Они на равнѣ съ страной своею крайне дики, суровы, необузданны и жесточе всѣхъ Сибирскихъ народовъ; у нихъ нѣтъ ни грамоты, ни ученія, и по тому они еще и по сіе время совершенно не покорены, и подушной окладъ платятъ только отъ часпи. По сей же самой причинѣ остаются въ великомъ сомнѣнїи какъ бывшія съ ними происшествія, такъ прямая ихъ сила и внутреннее устройство. Они нѣсколько кратъ побѣждаемы были Россійскимъ оружіемъ, но паки сопрясаи съ себя власть и оппюдь не хотятъ терпѣть принужденія. По вѣроятности считающъ ихъ до 3500 разныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствомъ и описаніе оныхъ, по елику оно долженствуешъ содержать въ себѣ токмо то, что заподлинно уже извѣстно, не можешъ быть полное и совершенное.

Они раздѣляются на два главныя колѣна, а именно на Чуцкое и Шелагенское, къ коимъ принадлежатъ также многіе островскіе жилища Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйствительно Чукчи же, но не причислены къ вышепоказаннымъ.

Росту они малаго и шонки; лицо у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походитъ на Корякское. Но они гораздо дичае, суровѣе, гордѣе, необузданнѣе, смѣлѣе, вороватѣе, лукавѣе и мспительнѣе кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказать, они съ природы толико же злые и опасные люди, колико Тунгузы добры. Двадцать Чукчей прогоняютъ вѣрно пятьдесятъ человекъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, если бы Россійскіе оспроги ихъ не обуздывали. Самые ближніе къ нимъ оспроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны свѣспныхъ припасовъ стоятъ правительствѣ такъ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставитъ въ запускѣннн Анадырской оспрогъ, наидревнѣйшее Россійское въ шамошемъ мѣстѣ поселеніе, изъ когео и Комчашка завоевана.

Въ поколѣннхъ наблюдаютъ они между собою союзъ по родамъ: но выборныхъ начальниковъ не имѣютъ, а послѣдуютъ со всякою необузданностию знатнѣйшимъ богачамъ и удалцамъ, пока намѣренія и дѣла оныхъ сходствуютъ съ собственными ихъ зашѣями.

Большая половина сего народа живетъ во *всегдашнихъ* зимнихъ жижинахъ или землянкахъ, подобно Камчадаламъ. Въ лѣтнее, а иногда и въ зимнее время, опкочовывающъ они опъ оныхъ для паспвы оленей, также для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевъ: при чемъ дѣлаютъ себѣ повсюду маленькія хижины, подобныя Камчадальскимъ лѣпнымъ юртамъ. Иные не имѣютъ ни какихъ другихъ, кромѣ шакowychъ легкихъ хижинъ, а иные живутъ такъ же въ горныхъ пещерахъ, которыя занавѣшиваютъ съ приходу звѣринными кожами.

Одѣяніе ихъ и пища, такъ какъ и приугоповленіе оной совокупно съ домашнимъ скарбомъ, подобны настоящему Камчадальскому и Корякскому; токмо еще дичае и суровѣе. Они вышиваютъ у себя также, по примѣру Тунгузъ, на лицѣ и на рукахъ linee и фигуры.

Посуды они не имѣютъ ни желѣзной, ниже другой какой крушцовой, но довольствуются, какъ спаринные люди, каменными ножами, костяными шилами, деревянными и кожаными сосудами, и шакъ далѣ. Оружіе ихъ состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ къ костяными наконешниками, и пращахъ. Байдары ихъ, въ коихъ ѣздятъ они по морю и къ островамъ, соспавлены изъ киповыхъ ребръ и обшянуты шюлеными кожами шакъ, что могутъ они въ оныхъ зашягиваться по примѣру Гренландцовъ, Екимоксовъ, и нѣкоторыхъ другихъ Американцовъ. Байдары сіи бывающъ длиною до двухъ сажень, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы ѣдятъ не сырыя, но обыкновенно копченныя. Дикіе плоды и коренья ѣдятъ всегда сырыя. Оленицъ не доятъ, и по тому у нихъ, какъ и у Коряковъ, нѣтъ ни шворогу, ни сыру. Наибольше же питаются они всякою дичью и птицами, околѣлыми оленями, (ибо здоровыхъ, сколько бы оныхъ у нихъ ни было, убивать не любящъ) морскими звѣрями, выброшенными на берегъ кипами и раковинами. Вседневное ихъ питье вода. Когда вздумаютъ подлить, то варятъ въ оной мухоморы; и по елику они растутъ у нихъ столь же мало, какъ и у Коряковъ, то вымѣниваютъ ихъ у Камчадалъ на оленинѣ кожи.

Главный ихъ промыселъ состоитъ въ содержаніи оленей, да при томъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Олени соспавляютъ ихъ богатство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкоторыхъ и больше 50000: по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваютъ ихъ кожами, а на промѣнъ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или что имъ полюбишя. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такіе живутъ совокупно и питаются отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, шакже кипами, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называютъ шакovýchъ бѣдныхъ Чукотскими лѣшими. Женщины ихъ упражняются въ томъ же, въ чемъ и Корячки.

Во нравахъ и обыкновеніяхъ сходствуютъ отъ части съ островскими жителями, кои будущъ описаны послѣ. Зимнія хижины

жижины дѣлаютъ они пространныя, и по большой части живупъ вмѣстѣ нѣсколько семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огнивища поднимается дымъ въ верхъ сквозь пошолокъ; но жижины ихъ крайне дымны и такъ жарки, что бабы и въ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидятъ совсемъ нагя. Каждое отдѣленіе жижины имѣетъ свой собственнй рыбимъ жиромъ налитой свѣпильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣпильнею. Ночлѣги ихъ возвышены, на подобіе скамьи или полашей, и усланы кожами. Во время перекоковки ѣдутъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ спужѣ привычны они такъ, что ежели не въ зимнихъ жижинахъ находится, то довольствуются по большой части щеллошою свѣпильниковъ, рыбимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ такъ же, какъ и у Коряковъ, не смѣетъ ни кто красть или убивать въ своемъ родѣ; внѣ же онаго производить то и другое не токмо не возбранно, но еще и честно. За такую дѣвку, которая не оказала еще проворства своего въ воровствѣ, ни кто и не свапается; ограбленіе сосѣдей служитъ производителю онаго въ превеликую славу. При заклинаніяхъ и кляпвенныхъ обязательствъ берутъ они Солнце въ поруки. Побѣдителямъ дають въ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великіе они хлѣбосолы. Гостей своихъ хотя и не обременяютъ ѣспвами, однакожъ убиваютъ оленя, чего для себя собственно никогда не дѣлаютъ; или извиняются по крайней мѣрѣ, что на шомъ случай, какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не разперзанъ медведемъ и проч. При шомъ такъ же, какъ и Коряки, дають гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, которыя подносятъ имъ, какъ и Корячки, для пищи свою мочу.

Въ разсужденіи сватовства, воспитанія дѣтей, увеселеній и похоронъ происходитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же Шаманской законъ безъ порядочныхъ понятій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляются, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и предѣлаю оныхъ не малымъ служивъ препятствіемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Алеутиѣ.
Ein Aleute.
Aleutien.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащiе отъ Южнаго мыса полуострова Камчатки до самой Японiи, простираются рядомъ съ СѣвероСѣверовостока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспрiяли начало свое о Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть такъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедыщущiя горы и горячiе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сiи называются вообще Курильскими: но ни количество оныхъ, ни названiя, ниже обширность и качества, точно еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названiя, какъ на примѣръ: Сумчу, лежащiй отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 вёрстъ; Поромузу, ближайшiй къ Сумчу, обширностию вдвое; Утоко еще пространнѣйшiй; Матмай, лежащiй отъ Японiи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Кипайской матерой землѣ, при томъ по Японiи наивеличайшiй; и многiе другiе. Большия острова всѣ населены; нѣкоторые же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенiю своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ растутъ липовица и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныя простия виноградныя лозы и такъ далѣе. На нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикiе бараны и другiе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскiе бобры, моржи, тюлени, киты и другiе морскiе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторые какъ въ видѣ, такъ и языкѣ. Больше называются они Кушамы, отъ чего можетъ быть произошло и названiе Курильцы; ближайшия же къ Югу островскiе жители называются о-

быкновенно Киккурильцами. Нѣкоторыя острова походятъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцовъ, иные же на Камчадалъ; но есть и такіе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшіе острова повинуются Россійской, а Южнѣйшіе Японской власти; многіе независимы, да и подвластные отъ части токмо наблюдають долгу подданныхъ. Они не всегда даютъ аманатовъ или заложниковъ; равно и податъ плащящъ не всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: по чему и не можно знать сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи податъ плащящихъ островскихъ жителей только 262 души.

Настоящіе Курильцы, которые сходны нѣсколько съ Японцами, росту малаго, лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакъ же не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и шило нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человеколюбивы, честны, постоянны, вѣжливы и привѣпливы; но въ нещастіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. Языкъ ихъ, которымъ говорятъ просяжно, слуху приятенъ.

Мужчины упражняются въ ловлю морскихъ звѣрей, птицъ, китовъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Лодки спроятъ изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго моремъ на берегъ, и гребутъ однимъ весломъ, которое съ обѣихъ споронъ имѣетъ по одной лапѣ. Женщины стараются о приготовленіи пици, одѣянія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядутъ такъ же кропину и пкутъ. Южные островскіе жители, которые превосходятъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производящъ въ Японію небольшіе шорги китовымъ жиромъ, мягкою рухлядкою, орлиными перьями для оперенія шпрѣлъ, и другими поварами; получаютъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и лакированную посуду, коплы, сабли, разныя матеріи, наряды, щепенные товары и табакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ вънутри пескомъ и подобныхъ Камчадалскимъ: но оныя поопряжище и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ скарбомъ. Бдятъ же морскихъ

скихъ звѣрей, всякую дичь, пшицъ, рыбъ, дикія кореня и плоды, отъ часпи и морской капустаникъ; а на Южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

Одѣяніе сѣверныхъ островскихъ жителей нарочито походитъ съ виду на Тунгусское, и дѣлается изъ лебязьихъ, гагарьихъ и другихъ водяныхъ пшицъ шкуръ, также изъ пюженныхъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываютъ до самаго запылка. Шляпы ихъ сплетены изъ камышу. Южнѣйшіе островяне почитаютъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы чернятъ до половины. Одѣяніе ихъ по Кипайскому вкусу долгое, и дѣлается изъ подбрюшинъ водяныхъ пшицъ, также изъ мягкой рухляди, кипайки или изъ шелковыхъ матерій; подноясываются же Японскими саблями. Женское одѣяніе подобно мужскому. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы вслочь. Оба пола вышиваютъ по Тунгусскому обыкновенію на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они сполько любятъ чужіе образцы въ разсужденіи нарядовъ, что иногда и спранно одѣваются. Употребляемые ими Японскіе наряды споятъ имъ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лисицъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему платье скоро марається; по ни когда не видно, чтобы они къ спаши или по крайней мѣрѣ чисто были одѣты.

Устарѣлымъ людямъ оказываютъ преимущественное почтеніе, всякаго челоуѣка почитаютъ, и обходятся особливо со своими приятно. Гостей другихъ острововъ принимаютъ, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненіемъ колѣнъ и обниманьемъ, и при томъ цѣлуются; у иныхъ же и слезы съ глазъ капаются. Старшій изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бѣвшія какъ съ самимъ имъ, такъ и съ родственниками его происшествія; что все слушаютъ стоя. Хозяинъ рассказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряютъ себя взаимно о дружественномъ соучаствованіи. Въ угощеніяхъ, одѣянїяхъ и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для зябавы

забавы они поютъ , пляшутъ и говорятъ быль. Когда говорятъ, то наблюдають при томъ кротость, вѣжливость, скромность и правду. Почтику они сами не лгутъ и не обманываютъ , то не хопятъ шерсть , чшобы и ихъ проводили.

Женитьбы ихъ нарочито походятъ на Камчадалскія. Съ невѣстами сживаюшся они тайно , и по томъ ихъ увозятъ. Рогашой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ , которъй долженъ съ нимъ или перевѣдаться или побиться ; въ послѣднемъ случаѣ даютъ они попеременно другъ другу по при удара. Роды тамошнимъ женамъ , какъ слышно , тяжелы. Дѣтямъ даютъ имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. Покойниковъ своихъ хоронятъ ; сѣверные же островскіе жители зарываютъ ихъ зимою только въ снѣгъ.

Законъ содержитъ языческой по Шаманскому толкованію. Идоловъ своихъ (Югупъ) дѣлають изъ соспавленныхъ красиво щепокъ , и спавятъ ихъ въ жижинахъ.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКИЕ ЖИТЕЛИ.

Морской проливъ между матерюю землею Азіи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся отъ Камчатки въ Юговосточной сторонѣ море, преисполнены островами разной величины. Ближайшіе изъ сихъ острововъ со времени воспріятія Россіею въ свое владѣніе отдаленнѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣшеніе большаго ихъ количества началось во время Государя Императора Петра Великаго. Первое на то поступленіе возпослѣдовало чрезъ славную Камчатскую морскую экспедицію; по томъ развѣзжали по сему морю отважные купцы, козаки и промышленники, и умножали открытія съ году на годъ: однакожъ не прежде, какъ съ 1760 году начали подробнѣе и поимянно освѣдомляться о сихъ островахъ. Въ послѣдніе 10 или и 15 лѣтъ на основаніи благошвореній, какія въ нынѣшнее славное царствованіе ЕКАТЕРИНЫ II оказаны въ шатовомъ намѣреніи торговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ открытій, нежели во всѣ прежнія времена.

При всемъ томъ можно думать съ вѣроятностію, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ; о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкопорые токмо осмошренныя во время помянутой морской экспедиціи, не виданы никогда испышателями природы, извѣстія наши весьма недоспащочны. Нечистота моря, суровое состояніе острововъ, трудность въ доставаніи нужныхъ сѣбствныхъ припасовъ, звѣроловный и торговый промыселъ нашихъ мореходцовъ и многія другія обстоятельствова долго еще и въ будущія времена будущіи пропшвуолагаши затрудненія Астровомическимъ опредѣленіямъ ихъ положенія, такъ же натуральной исторіи и точнѣйшему познавію тамошнихъ жителей. Однакожъ я во удовольствіе чшшателей сообщу здѣсь въ шакоемъ же порядкѣ, какой наблюдалъ

я по сіе время при описаніи другихъ народовъ, наивѣрнѣйшія и главнѣйшія обстоятельство, почерпнутыя мною изъ полученныхъ по сіе время отъ частни другими людьми, а отъ части и самимъ мною занятыхъ отъ мореходцовъ извѣстій: при чемъ однакожъ и отъ крашкоспи не опшуплю.

Изъ сихъ острововъ ближайшіе къ Сѣверу, которые г. дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Штелинь, въ краткомъ извѣстїи объ оныхъ, называетъ вообще Сѣвернымъ Архипелагомъ, по причинѣ суровости своей и положенія меньше всѣхъ извѣстны въ разсужденіи обширности ихъ и состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ такъ близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что Чукчи могутъ шуда ѣздить на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшіе къ Камчаткѣ, на широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бывають отъ части нашими промышленниками: по чему и имѣемъ мы извѣстія о ихъ состояніи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Западоюгозапада на ВостокоуСѣверовостокъ рядомъ отъ Камчатки къ матерой землѣ Америки. Острова сіи называются вообще Лисьими, по тому, что много на нихъ водится черныхъ и красныхъ лисицъ. Опмѣнно же достойны примѣчанія острова: Беринговъ или такъ называемый Коммандерскій, лежащій въ 250 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки на Востокъ длиною верствъ на 80; мѣдный островъ, къ берегамъ котораго прибываетъ изъ моря мѣдная частица; Умнакъ, обширностію верствъ на 250; Уналашка, еще пространнѣе, со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ малыхъ. Изъ знапнѣйшихъ острововъ Кадьякъ близокъ къ матерой землѣ Америки.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ, и какъ будто пересѣкаетъ крестообразно Лисіе острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но изрядно населены и подобны Лисьимъ. Они называются Алеутскими островами: но запросто разумѣются подъ симъ названіемъ иногда и всѣ тѣ острова, къ коимъ суда наши пристають. Знапнѣйшіе называются: Атакъ, Семичи и Шемія.

Нѣко-

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Андреновскими*. Нѣкоторые изъ нихъ и знаменны, какъ н. п. *Аякъ*, *Тагалокъ* и другіе: но по положенію своему много имѣютъ общаго съ Сѣверными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу разсѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большой части никто еще не бывалъ, и которыя часпю и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденіи *вишняго состоянія* между собою подобны. Они каменисты, гористы, болотны, и крайне суровы; есть на нихъ такъ же и огнедышущія горы. Въ отношеніи же къ *произведеніямъ* ихъ весьма они между собою разнятся по опмѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ по лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ острововъ показываются, однакожъ не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе коты, тюлени и другіе морскіе звѣри. На берегъ выбрасываетъ море Американской лѣсы, морской капустаникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторые острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ ненаселены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на какомъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова обширностію въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, чепыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, по тому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по спу и больше. Поголовное счисленіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не считаютъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управишься съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и сами дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочито великое чи-

сло Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или и отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ подушной окладъ только 367 человекъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ токмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемые нашими кораблями, коихъ ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій пропывоборствующихъ таковому снаряду, и ни одинъ изъ Охотка не отпраляется, дають больше добровольно нѣкопоруую подать, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мягкой рухляди, съ души, и берутъ при отдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно токмо ѣздить года черезъ три, черезъ четыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда дають они правда наддачу, однакожъ небольшую. Подать ихъ походитъ больше на даръ, приносимый ими въ знакъ преданности своей, нежели на сущую дань. Самую главною выгодною можно почестъ набогащеніе: Россійскихъ подданныхъ, которые крайне скоро разживаются, если токмо посланные къ таковымъ островамъ суда совершатъ путь свой благополучно. Самое большое количество острововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываетъ независимости и пользуется естественною вольностію. Но они черезъ звѣриной промыселъ и промѣнные торги могутъ быть столько же полезны, какъ и покоренные.

Между разумными островскими жителями есть конечно въ разсужденіи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше отмѣны, какъ и между народами, обитателями на матерой Сибирской землѣ: но полученныя по нынѣ извѣстія столь недоспапачны, что не можно по нимъ положить разности на основаніи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными островами, ниже раздѣлить ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однихъ отъ другихъ отличить. Жители Алеупскихъ, Лисьихъ и Андреевскихъ острововъ, видомъ, житіемъ и прочимъ такъ между собою сходны, и при томъ

томъ какъ Корякамъ, такъ и Сѣвернымъ Американцамъ, по-лико подобны, что предки ихъ, какъ кажется, были единоплеменцы шѣхъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ столь мало разности, что приученный къ полмаченью Алеупскій мальчикъ можетъ исправлять сіе на многихъ отъ часпи и отдаленныхъ островахъ. Напрощивъ того на другихъ, иногда и не очень дальнихъ островахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жишелей гораздо больше опмѣннаго. Они сами даютъ себѣ разныя имена, которыя бывають совокупно и названіями ихъ острововъ. Жишели острова *Кадьяка* называются *Канагистами*; и сіе наименованіе сходствуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцовъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами*.

Островяне сіи по большей части малорослы, костью крѣпки, однакожъ тонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они спашны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климату и суровости обитаемыхъ ими острововъ. Они одарены изряднымъ природнымъ разумомъ, но оный нѣсколько коснителенъ. Оказываютъ же они его природными понятіями о правдѣ и кривдѣ, удовольствованіемъ своихъ нуждъ и при многихъ недостаткахъ своихъ острововъ, понятностію дѣшей въ изученіи чужихъ языковъ, и многими другими обстоятельствомъ, довольно явственно. Они чрезвычайно скромны и безприсрасны: но ежели пихость ихъ нарушится подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бывають необузданны, дики, мстятъ наижесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовольствованія, и прекращають часто жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни есть несчастія, самоубійствомъ, при коемъ бывають полико же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожъ не вѣроломны, не воровашы и не любящъ ни грабежей ни убійствъ. Хотя они и погубляють такого иностранца, которой приневоливаетъ женъ ихъ къ прелюбодѣянню: однако спокойному чужому же человѣку вручаютъ ихъ напрощивъ того изъ одной учливости. Къ нимъ

можно вкрадываться въ любовь такъ, что опкроютъ совершенно и умыслы своей брашши.

Сии суровые, и необузданные простаки, живутъ между собою въ совершенномъ равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хитрой и удалой челоѣкъ руководствуешъ однакожъ нерѣдко цѣлыми артелями, а особливо когда дойдетъ дѣло до удовлетворенія или мщенія. При томъ и спарѣйщина въ малой или большой хижинѣ, хотя и не видитъ къ себѣ почтенія, однакожъ и другимъ не уступаетъ. Вожда такъ, какъ и родоначальника, называютъ они Тоюномъ и Туйгуномъ. Между собою хранятъ они союзъ по семействамъ и по родамъ, и споятъ за себя какъ при защищеніяхъ, такъ и въ случаѣ нападеній. Жители одного острова почитаютъ себя всегда единокровными и думаютъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія артели чужихъ людей принимаютъ хорошо; многлюднымъ же толпамъ сопротивляются, пока или ихъ не истребятъ или сами не погибнутъ. Всякъ пользуется свободно шемъ, въ чемъ имѣетъ нужду; равно почитаетъ себя и хозяиномъ всего, что бы то ни было; а отъ сего производятъ споры, хотя они въ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни граматики, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣтосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бытіяхъ; словомъ сказать, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ того, что до житія ихъ касается. Они считаютъ, какъ и мы, до десяти, и по томъ удваиваютъ. На Алеупскихъ островахъ считаютъ такъ: Тагатакъ, одинъ; алагъ, два; кайкусъ, три; зечи, четыре; та, пять; ату, шесть; оулу, семь; калсе, восемь; шисетъ, девять; асокъ, десять; и такъ далѣе. Солнце называется Агайя, луна Тугилагъ, вода Тана, вѣтръ Качикъ, огонь Кигенагъ, челоѣкъ Тайяха, баба Аягутъ, дерево Яга, и проч.

Промыслы и дѣла свои производятъ единственно во удовлетвореніе естественныхъ нуждъ для сохраненія жизни, безъ всякаго

всякаго при помѣ помышленія о удобности, чести, богатствѣ, будущемъ и проч. по чему они и не оспраиваютъ оныхъ ни по какимъ обстоятельствомъ. По елику одни острова не имѣютъ съ другими сообщенія, то жители каждаго живутъ про себя; а отъ сего происходитъ различіе въ житіи и въ разныхъ изобрѣшеніяхъ къ облегченію ихъ нуждъ, или въ заимствованіи пользы отъ того, что уже есть, и въ приведеніи онаго еще въ лучшее состояніе. У нихъ нѣтъ ни какого скота, ниже собакъ: по чему и спрѣляютъ козачьихъ собакъ такъ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, также ловлю птицъ и рыбъ, производятъ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже спроенія хижинъ и дѣланія домашнихъ надобностей, берутъ женъ на помощь. Дикихъ звѣрей убиваютъ спрѣлами или ловятъ. Рыбу запрягаютъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловятъ ее небольшими коробами или косяными вилами, либо и голыми руками; употребляютъ такъ же и косяные уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капустаника, кои бывають длиною сажень по осьмидесяти и выпягиваются. На морскихъ звѣрей нападаютъ обыкновенно, когда они спятъ, или убиваютъ ихъ и спрѣлами въ водѣ, разбѣзжая на своихъ ладьяхъ. Женщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываютъ птичьи подбрюшины по большой части черезъ выминанье, рыбы шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьютъ одѣяніе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающы, какъ всѣ почти Сибирячки; въ шитьѣ же и спроченѣ вичуровъ весьма искусны. Ежели островъ избыточествуетъ какою ни есть надобностью, а другою недоспаиваетъ; то островяне мѣняются вещьми безъ дальнихъ разсчетовъ. Иногда покушаются они и выживають благополучнѣйшихъ островянь; и дѣло сіе производятъ по большой части не иначе, какъ черезъ испребленіе оныхъ. Съ того времени, какъ стали прибѣзжать къ нимъ Рускіе люди, цѣна иныхъ вещей совсемъ у нихъ переѣнилась. Сами носятъ они худшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицъ, проѣвиваютъ на лоскутья матерій, также на нитки, иголки, и другія мѣлочи, а больше на бисеръ. Кпо имѣетъ

изрядную хижину, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу одѣяніе, тогда считаеиъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и домашній скарбъ совсемъ по мысли спаринныхъ людей: сюда принадлежатъ лукъ, стрѣлы, дропки, копыя, пращи, щипы и дубины, все безъ желѣза, коего не велѣно къ нимъ возить, дабы не сдѣлаиъ чрезъ то сихъ людей опаснѣйшими: но они все сии орудія дѣлаютъ смертоносными посредствомъ заостренныхъ костей или камней. Изрядно оперенные, фуза въ при длиною, дропки могутъ они, какъ и Гренландцы, метати саженъ за придесять. Когда попадаеиъ имъ въ руки желѣзо, то куютъ холодное каменемъ и дѣлаютъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечистой оидѣлки, бываюиъ крайне опасны. Байдары ихъ бываюиъ длиною саженъ по шести, и могутъ поднимати иныя человѣкъ до сорока; хотя въ прочемъ дѣлаюиъ только изъ наноснаго дерева или и изъ киповыхъ ребръ; работу производятъ заостренными камнями съ великимъ трудомъ и не гладко; обшиваюиъ же моржовыми и тюленьими кожами. Обыкновенные Канопы или лодки располагаюиъ только для одного или двухъ человѣкъ, и бываюиъ въсомъ фунтовъ въ придесять.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большой части обширнѣе. Зимняя землянка (Уллаа), которая походитъ также и на Гренландскую, гдѣ она называется Иглокъ, длиною бываеиъ отъ 10 до 50 саженъ, шириною отъ 3 до 5 саженъ, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нупри раздѣлена жердями, въ верху решепчатая, и покрыта правою, сверхъ которой навалена земля. Решепки же шакковыя дѣлаюиъся изъ жердей, а сии изъ наноснаго лѣсу. Въ шакомъ пополокъ для лазнѣиъ по лѣсницамъ, для проходу дыму, и для свѣпу бываеиъ отъ четырехъ до шести отверстій, а иногда и больше; въ нупри же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнивищъ промежъ столбовъ, которыя у всехъ въ употребленіи: однакожъ сколько можно въ меньшемъ количествѣ; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водилъся огонь. Ночлѣги покрыты шкаными

справянными рогожами или и теплыми кожами. Для освѣщенія сей длинной могилы находящяся у раздѣлишельныхъ сполбовъ свѣспильники изъ выдолбленныхъ каменныхъ опломковъ, въ коихъ огонь содержится рыбимъ жиромъ. Въ шаковой хижинѣ живешъ малая или большая арпель, состоящая изъ родственныхъ семей, въ коихъ бываетъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочито походитъ на преисподнюю; всего шупъ довольно: темноша, дымъ, иногда несносный жаръ, шуской опъ свѣспильника свѣшъ, нагя необузданныя челошечскія опродія, гадины, пребѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзосты, смрадъ несноснѣйшій еще шого, какой бываетъ опъ смолы и сѣры; вошъ все то, что сыскашъ шупъ можно. На нѣкоторыхъ островахъ ведутся опъ часты по спаринному обыкновению, а опъ часты и по причинѣ каменистой опъ земли обнаженной подошвы, малыя фупа въ при глубиную землянки же, въ коихъ живущъ по одной шолько семьѣ. Большая половина островянъ имѣешъ и лѣтнія хижины (Барабара), подобныя пакъ же Камчадалскимъ. Они огромнѣе, стоятъ поверхъ земли и преисполнены людей. Нѣкоторыя островскія хителы укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки наноснымъ лѣсомъ.

Домашній ихъ скарбъ соотвѣспивуетъ жилищамъ. Оный соспоишъ наипаче въ деревянныхъ корышахъ, дѣлаемыхъ изъ наноснаго или собспвеннаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ выдолбленныхъ опломкахъ камней, въ плешеныхъ кузовахъ, въ сосудахъ изъ коры и кожи, въ справяныхъ рогожахъ, въ завоспренныхъ камняхъ, кои служашъ имъ вмѣсто шопоровъ и ножей, въ костяной ремесленной снаспы, а куда Рускые люди прибѣзжаютъ, шамъ водятъся у нихъ сверхъ шого и кошлы или чугуныя горшки. Легко можно разсудитъ, сколь великаго шруда шаковымъ людямъ споишъ, ухититъ такое жилище, дѣлашъ домашнія подобности, лодки и проч. безъ долотъ, шопоровъ, ножей и сему подобнаго, одною каменною и костяною снаспью: по чему они и живущъ въ вышеописанной шѣсношѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ, которыя ухитиваютъ для шипья наноснымъ валежникомъ, кожами, рогожами и проч. и шупъ весь свой вѣкъ препровождаютъ.

Они не чаютъ быть устроенными отъ природы такъ, чтобы надлежало имъ спыдаться: по чему не только дѣти, но и взрослые обоихъ половъ ходятъ въ жаркихъ юртахъ, или когда одѣяніе мѣшаетъ имъ въ исправленіи своихъ дѣлъ, совсемъ нагіе. Многіе занавѣшиваютъ срамной удѣ маленькимъ запономъ кожанымъ, или шубнымъ лоскутомъ, либо и листкомъ; мужчины же особливо носятъ въпереди мошну, которой не оспавляютъ пусшой, не столько для прикрытія уда, сколько для сбереженія онаго. На многихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводятъ оба пола, для мнимой красоты, на рукахъ и на лицѣ изображенія звѣрей, птицъ, цвѣтовъ, либо и изъ своей головы вичуры, не нитками, какъ то дѣлаютъ Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалываніемъ посредствомъ рыбихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣста напираютъ черною или другою какою земляною краскою, и дѣлаютъ чрезъ то выводы свои незагладимыми. Въ ушныхъ мочкахъ дѣлаютъ иные по краямъ множество дырочекъ, въ которыя продѣваютъ пучки изъ мѣлкаго красиваго перья составленные, также королки и другія мѣлочи: наибольше дѣлаютъ сіе женщины. Мужчинамъ кажется дурно, когда волосы скоро и густо растутъ: по чему и вытеребиваютъ у себя бороды иные и до чиста. Женщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а остальные заплетаютъ на запятокъ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову, воспрыми каменьями, на другихъ же дѣлаютъ только лысину съ околышемъ, которой коротко подрѣзываютъ. Многіе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперва своею мочою, а по томъ водою, и съ лица чисты, румяны, и здоровы кажутся. Наистраннѣйшимъ ихъ обыкновеніемъ можно безъ сомнѣнія почестъ то, что на всѣхъ почти островахъ многіе какъ мужчины, такъ и женщины въ ребячествѣ своемъ дѣлаютъ на нижней губѣ два глубокіе прорѣза, а въ носовомъ хрящѣ проверяютъ скважину. Въ губные оныя прорѣзы вставляютъ они, когда вздумаютъ пощеголять, а сіе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изогнутые и выглаженные зубы споймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь скважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладнѣ небольшую

шую птичью кость, такъ что ноздри приподнимающъ къверху. Которые любящъ щеголять, тѣ дѣлаютъ по срединѣ нижней губы еще прешій прорѣзъ, въ которой вставляющъ выкрашенной камышекъ.

Одѣяніе ихъ теплое и щегольское состоитъ въ сорочкѣ (Парка) длиною по колену, подобной во всемъ Корякской. Мужскія Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ разныхъ морскихъ пшицъ, а особливо изъ гагаръ; женскія же изъ морскихъ бобровъ, лисицъ и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое шѣло, и обращающъ на ружу по пушистой, по гладкою спороною; а сію послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другія сорочки (Камлаи), подолѣ первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое шѣло. Холщевыя матеріи совсемъ имъ незнакомы, а шпаны, рукавицы и чулки не въ употребленіи: однакожъ нѣкоторые запасаются на зиму кожаными теплыми чулками. Ногамъ ихъ не бывающъ ни какого вреда отъ пого, что ходятъ по снѣгу босикомъ. Лѣпомъ или ни чемъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣшнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на упиной носъ, и которыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передѣ фуша на полтора, какъ навѣсная крышка. Они красятъ шаковые шляпы земляными красками своихъ острововъ, и сгораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въверху и около разспавливаютъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ кошовъ усовъ, да сверхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перьявыми пучками: по чему они на Римскіе шишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣшнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимающъ въверху. Надъ самую же головою они полы; и на шаковомъ верхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдящаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ниже иныхъ какихъ для такой работы на-

добныхъ орудій. Мужчины носятъ такъ же и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, которыхъ края и два супрошивныя шва вичурами, а сѣи и оторочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улипками, украшены. На нѣкопорохъ оспровахъ носятъ шапки и поплосчае, нарочито похожія на наши скороходскія. Верхній шовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они такъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женщины шьютъ себѣ лѣпнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпоротыхъ звѣриныхъ кишковъ. У шапокъ сихъ края прямые, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и имѣютъ плоскую или мѣлкую пулю. Края и пулю украшаютъ весьма пригожимъ шипьемъ, которое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; пулю же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палецъ. Зимю носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, которыя сдираютъ и высушиваютъ такъ, что голова проходивъ въ брюхо пшцы; при чемъ ея шея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Наивеликолѣпнѣйшія ихъ перьяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто иеи придѣлываютъ состоящую изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полоску, которая въ низу и въ верху разщеплена мѣлкимъ шипьемъ, а по краямъ выложена волосяною бахрамою, длиною въ персть. Въ мѣсто пшичьей головы прикрѣпляютъ они къ шаковой кривулинѣ нижнюю песцовую челюсть. Полоса сѣя проспирается черезъ всю спинку пшцы, и придаетъ шапкѣ упругость. Она и на спинкѣ вышита и бахрамою обложена. Нарядное ихъ одѣянїе дѣлается изъ пшичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобіе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяпы, съ чрезвычайно красиво вышитыми перспа на два шириною закраинами, увѣшены повсюду полосками, длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣянїе свое шьютъ изъ того, чемъ сами они или ближайшіе оспровскіе жипели избыточествуютъ. Многіе дѣлаютъ всегда оное изъ шюленьихъ,

L'ayoncault.
en Kurill.
Sourien.

ихъ, Сѣвернѣйшіе же изъ оленьихъ кожъ, а ближайшіе къ Востоку отъ часпи изъ такой шокмо мягкой рухляди, которую могутъ получать съ маперой Американской земли. Оба пола носятъ плаще одинакое съ пою только разностию, что мужское шьется больше изъ ппичьихъ шкурокъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣпнее изъ подобной замшѣ выдѣланной кожи. Кожевенная ихъ выдѣлка посредственная; напрошивъ того въ шипѣ одѣянїя и въ выводѣ на ономъ вичуровѣ, при чемъ въ мѣсто иголокъ и нитокъ употребляютъ рыбы кости и щипанья жилы, крайне искусны.

Въ разсужденїи пищи соображаются совершенно природѣ своей и качеству своихъ острововъ. Они ѣдятъ киповѣ, морскихъ бобровѣ и кошовѣ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, также всякихъ хищныхъ и другихъ ппичѣ, всякую рыбу, а особливо палтусовѣ, изъ коихъ нѣкоторыя бывають въ сомѣ и свыше 8 пудѣ, разные роды кунжи, раковины, и всѣ вообще, выключая людей и несѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя животныя употребляютъ въ пищу, однако улитокъ только по нуждѣ; сверхъ того ѣдятъ разныя дикорастущія ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу спранами, какъ то, чернику, голубицу, клюкву, бруснику, рябину, водяницу, шолокнянку, морошку, сарану, макаршино коренье, Камчатскую сладкую праву, морской канустникъ и другія не горькія коренья и правы. Охотно ѣдятъ также и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей, да и сонную рыбу, хотя уже и съ душкомъ. Соль совсемъ имъ незнакома. Больше ѣдятъ они все сырое, такъ что кровь печетъ при томъ изъ рошу по губнымъ прорѣзамъ: и по тому пища ихъ не пребуетъ дальнихъ пригопвленей. Зимой держатъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣпильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ томъ единственнo намѣренїи, дабы радогрѣть. Если же затѣютъ что варить, то парятъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискамъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по томъ ѣдятъ холодное.

При шаковой своей неразборчивости рѣдко претерпѣваютъ они недоспапокъ на островахъ по большой части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываетъ оной въ зимнѣ мѣсяцы. Для предупрежденія же шаковаго недоспапка, сушатъ остальное мясо и рыбу на солнцѣ, или коптятъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), которую они шакъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго приготоуленія, бываетъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, которую скоро думаютъ сѣбѣ, или что останется излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они столь же безпечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываютъ шакіе ошпапки, которые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто употребляютъ и соленую морскую, когда въ близи нѣтъ прѣсной. Въ праздничное время пьютъ киповой или иной какой рыбій жиръ, и пьютъ оной изрядно. Для лодлоу собственнаго не имѣютъ ни чего; да и не находятъ ни какой приятности ни въ мухоморахъ, ни въ пабакѣ, ни въ хлѣбномъ или Камчатскомъ правяномъ винѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкоторые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному пабаку.

По елику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мерпвыхъ живонныхъ, раковинъ, улитокъ и морскаго капустнику, что все можно шамъ собирать во время оплива, бываетъ въ случаѣ недоспапка надежнѣйшимъ прибѣжищемъ; но всякая хижина или усадьба береженъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не смѣютъ подвѣсть на берегу ниже мерпвой рыбы, но должны сперва просить оной какъ милостыни; въ противномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не улешутся.

Сколь ни сообразно житіе ихъ простотѣ природы, однакожъ оно не въ честь ей служить, когда люди бываютъ чрезъ по шолико подобны звѣрямъ. Въ обхожденіи они важны, въ разговорахъ весьма опрѣзисны, между собою веселы, отъ части и болтливы;

болшавы, по безпечности гостепрїимчивы и щедры, но грубы и неприступны. Не почитая родителей и начальниковъ, не заобыкши къ повиненїю, и не зная что есть благочинїе и благопристойность, слѣдуетъ всякъ своей прихоти. Они ѣдятъ, когда есть за что приняться, и когда проголодаются: при чемъ иногда и выпораживаются. Въ случаѣ недоспашка постыгаются безъ роппанїя и нѣсколько дней съ ряду. Жилыя ихъ ямины дѣшкими, а кровли взрослыхъ людей кладами вплоть усажены: по чему несносно смердитъ въ близи и въ нутри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагїе, шворятъ и соише въ нутри и внѣ юртъ безъ всякаго зазору, и при томъ, по великой горячности обоихъ половъ, нарочито часто. Да и родятъ женщины безъ всякаго же закрышїя или ушайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ, а покрываются плащемъ. Всякій родъ или поколѣнїе держится правда одного острова: но они ѣздитъ временемъ и на другїе острова, и живутъ тамъ иногда долго. Необитаемые острова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бываютъ или какъ гости, или какъ неприятели. Когда они приѣзжаютъ и на короткое время, то дѣлаютъ немедленно для себя ямины. Огонь добываютъ по примѣру Камчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ шренїе одного дерева объ другое. Грѣются правою, которую поджегши, спановаясь надъ оною разшопыря ноги шакъ, чтобъ дымъ и тепло проходили подъ шубу (Парка). Войны ихъ состоятъ больше въ нападенїяхъ; когда же идутъ приступомъ, то несутъ передъ собою деревянные щиты, которыми могутъ нѣсколько человекъ заслоняться, и выходятъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружіемъ.

Женитьбы ихъ, въ сравненїи съ употребительными у насъ, едва и названїя сего достойны. Мужчина, который можетъ исправлять звѣриной промыселъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или нѣсколько женщинъ, достаетъ при помощи ихъ себѣ и имъ наобное, и живетъ съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ отдѣленїи по женшому; чему не предсѣдуютъ никогда ни купля, ни договоръ, ни прїзднества. Первыхъ бабъ выбираетъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и
при

при помѣ заводной промышленности и рыболовѣ, по спекается къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, опущенныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣтей малыхъ, которыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержишь добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь поспѣшно при щастіи семейство возрастаетъ, споль скоро и разсѣвается оно при щепенныхъ спараніяхъ о снисканіи пропитанія; бѣглецы переходящъ къ другимъ, да и бабы разходящя и ищущъ себѣ другаго кормильца, къ коему приводятъ иногда съ собою и дѣтей, если они сами не пожелаютъ остаться у опца. Все сіе происходитъ безъ ссоръ, дракъ и тому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкоторыхъ островахъ больше союзы мужья съ женами, и родители съ дѣтьми, по тому, что мужья больше имѣютъ власти: но ищущъ и промѣниваютъ они женъ и дѣтей своихъ на нужныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣненныя жены возвращаются иногда и по нѣскольку разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественномъ сословіи не могутъ бытъ слѣдствія опъ таковой необузданности полико опасны, какъ при гражданскомъ устройеніи общества. Островскіе жители спавящъ ни во что какъ поперебѣнное владѣніе женами, такъ и союзы родства, и женятся единственно для пропитанія и удовольворенія похоти: при чемъ они не обрѣтаютъ препятствій, а по тому и неисповсѣвъ не дѣлаютъ. Они всякому желаютъ добра и забавъ; и по елику памъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣвкамъ, по сіи послѣднія возрастаютъ и при всемъ своемъ безнущствѣ безъ всякаго стыда. Ни какая мать не покидаетъ дѣтей своихъ до тѣхъ поръ, пока они не спанутъ помнишь ея имени; и таковыхъ дѣтей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не только новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человекъ.

Бабы, какъ слышно, родящъ очень легко. Малыхъ дѣтей купающъ весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разкрычатся, окунываютъ ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю спужу, до тѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормящъ ихъ не долго, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по
 большой

большой части сырой пицѣ. Дабы приучить ихъ сидѣть на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ споль сурово дѣшею опускаютъ родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней опѣ родителей своихъ помощи живутъ безъ нужды и спановаясь на послѣдокъ споль же добрыми людьми, какъ и родители ихъ, коимъ они ни чего опмѣннаго не оказываютъ, и копорыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя шупъ имена супъ слѣдующія: *Инишиѣ*, *Бакутунѣ*, *Алаутокѣ*, *Чумила* и проч.

Они не споль суровы и безчувственны, чпобы не спарались забавами сдѣлать себѣ жизнь приятною. Женишбы, рожденія, да и самая вѣра не подаютъ правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцѣ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ островскихъ жителей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подаютъ имъ поводъ, найденныя на берегу киты, щаспливые звѣриныя промыслы, и нечаянныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выброситъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще островскимъ жителямъ. Всѣ спекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужебныя и волшебныя обряды, раздѣваются до нага, а по шомъ свѣжуютъ и дѣлятъ мясо, жиръ, кожу и кости. По шомъ наряжаются въ самое лучшее платье, вшавливаютъ кости въ щеки и носъ, и убираютъ все, чпо ѣсть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя, но не споль общія, празднества бывають и по случаю частныхъ щаспливыхъ звѣриныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состоятъ, кромѣ неумѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ бѣеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовлетвореніи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣютъ они ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу приѣзжимъ своимъ гостямъ цѣлыми артелями; да и въ пляскѣ соображаются бѣею въ бубны и пѣсняхъ, коихъ содержаніе еспъ мечтаемое ими щаспие и разныя

басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, копорыя по сближающа, по паки раздаются: при чемъ и прыгають довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянные хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины раздѣваются, и оставляють только передъ удомъ передникъ или мошну; женщины же остаются въ плащѣ. По окончаніи пляски разбиваютъ они бубны и хари въ щепы, и дѣлають послѣ новые. Гдѣ есть волшебники, шамъ присовокупляютъ и они къ тому свои обмороки и предсказанія. Нанослѣдокъ удаляются приѣзжіе госпи въ свои спаны, а хозяева, имѣющіе же мѣ съ излишкомъ, надѣляютъ ими приѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отбѣздѣ не бываетъ ни чего опмѣннаго; ни провожанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на Восточномъ берегу Сибири, содержатъ Шаманской языческой законъ; прилплены столько же или еще и больше, къ чувственному, а невидимое и непонятное ни мало ихъ не прогають. Они не имѣють ни какихъ почныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучастіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ такъ же ни праздниковъ, ни моленій; однакожъ есть у нихъ волшебники или Шаманы, подобные Камчадалскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ почтеніи, но ни какихъ подаяній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ киповъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за такуюю благодать: но соплетаютъ благодарность свою съ разными кощунствами. При яденіи таковыхъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жертву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шаманскаго толку, разную ушварь для употребленія на томъ свѣтѣ. У нихъ есть небольшіе деревянные домашніе идолы, копорыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ то питають. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкоторыя знашныя пещеры, почитаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молитвы. Будущей

же участи и боговъ, также милоспи ихъ и гнѣва не ожидающъ они и не боясь ни мало.

Здоровьемъ они крѣпки, и до спарыхъ лѣтъ бываютъ бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ спарыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кшо нездоровъ, пошъ по произволенію своему воздерживается нѣсколько дней опъ пици. Когда болишь голова, по пускающъ изъ одной головной жилы кровь воспримъ кремешкомъ. На раны кладущъ нѣкоторой корешокъ, признанной ими врачевнымъ, и такъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжались, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, по разбивающъ себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они боясь посѣщенія покойниковъ, и не охотно живущъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляютъ покойниковъ и замешываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завершываютъ въ ихъ одѣянїи совокупно съ домашнею ихъ ушварью и звѣроловною снаспью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предающъ погребенію; заживочнѣйшихъ же кладущъ такъ же въ плашь и съ домашними надобностями въ небольшую лопку, и вѣшаютъ оную на виселицу, состоящую изъ двухъ утвержденныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на опъкрышомъ воздухѣ, превращались въ плѣнь.

Россійскимъ Козакамъ, промышленникамъ и купцамъ крайне трудно жить на сихъ островахъ. Моремъ надобно пуда бхашъ изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между темъ заѣзжаютъ они и на другіе острова, собирающъ добровольную подашь, промѣниваютъ щепетные повары, а особливо пронизки, на мягкую руклядь, да и сами ходящъ на звѣриные промыслы. Ежели бы можно было отважиться, возишь къ нимъ ножи и шпоры, по обмѣнные торги великое бы получили чрезъ по приращеніе: но какъ темъ угошворяемы бы были себѣ опасоспи, по

надобно пособлять сему неудобству собственнымъ звѣринымъ промысломъ, которой производить какъ на берегахъ, такъ и въ дали отъ оныхъ, островскіе жители не только не препятствуютъ Рускимъ людямъ, но и придаютъ имъ мальчиковъ, которые скоро привыкаютъ говорить по Руски, и бываютъ по томъ полмачами и почти залогамъ. Пока ведутся привезенные съ собою свѣспные припасы, питаются оными промышленники; при недоспашкѣ же ѣдятъ какъ и коренные островскіе жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бываютъ при томъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ тихо; если же возмимъютъ подозрѣніе, то спараются всѣхъ безъ всякаго изслѣдованія перебить: по чему промышленники должны всегда осперегаться, темъ наипаче, что на островахъ не можно такъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить шѣснаго знакомства съ женщинами, черезъ которыхъ всѣ злые умыслы тамъ открываются. Козаки осперегаются жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ яминахъ; да и у собственныхъ своихъ жилищъ содержатъ по ночамъ караулъ. Ежели путешествіе удачное, то корабль, смотря по состоянію острововъ, у которыхъ былъ, и по изобилію тамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, столько же и больше морскихъ коповъ, до 1000 косоковъ, до 2000 черныхъ лисицъ, поλικое же число голубыхъ песцовъ, вдвое противъ того или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной копорой ни будь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни копорой не бываетъ въ вывозѣ вышелоказаннаго количества.

О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части Шаманскаго, отъ части Ламайскаго, Индійцы же, коихъ вообще не много, Браминскаго толку. Шаманской имѣетъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежатъ суевѣріе поклоняющихся идоламъ Финновъ, Татаръ, Семояди, Отяковъ, Красноярскихъ, Манджурскихъ и Восточныхъ Сибирскихъ народовъ, островскихъ жителей Восточнаго моря такъ, какъ и Бурятъ или Брацкихъ Татаръ. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; при описаніи же прочихъ народовъ переходилъ я сей предметъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучить читателямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ такомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣрѣ. Онъ всѣхъ спарѣ на Воспокъ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ племъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамоты и школъ, также по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переименованныхъ преданій и переворотовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, превратился онъ по большей части въ проповное идолослуженіе и слѣпое суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи поль различныхъ народовъ, языковъ, спранъ и житія, ожидать и наивѣличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожъ главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единообразіи, и кажется, что чрезъ то больше токмо

забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ читатели отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣрїи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается женской полъ гораздо хуже мужскаго, и существующимъ единственно для удовольствованія похоти, для рожденія дѣтей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презираютъ и поспунаютъ съ ними жестоко. Они присвоятъ женскому полу весьма мало правъ челоуѣчества, и почитаютъ его опринутымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людамъ, такъ и скоту опаснымъ. Онъ къ богослуженію не допускается, и не смѣетъ въ юртахъ ходитъ около общаго огня, по елику оной почитается священнымъ. Понеже жены пѣломъ своимъ все оскверняютъ, по имѣютъ особыхъ верховыхъ лошадей, сѣдла, мѣста для сидѣнья, да обыкновенно и особливую посуду, изъ которой ѣдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ таковыя вещи, прежде нежели спанетъ ихъ употреблятъ мужчина, окурить и отъ нечистоты уразднить. Они почитаются такимъ товаромъ, который вымѣнивается на скотъ, одѣянїе и проч. и въ такомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похоти; который почти продается, и такъ далѣе. Когда баба родитъ двойни или безобразныхъ дѣтей, то обвиняютъ ее соитїемъ съ дѣволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любятъ; да они и сами, если бы знали свое состоянїе, отреклись бы отъ воспрїятія бытїя.

При всемъ томъ есть у Шаманцовъ и священнослужительницы, которые не меньше въ чести или сполько же шальными почитаются, какъ и священнослужители. Они вѣрятъ, что люди сего состоянїя избраны самими богами, и почитаютъ судорги, родимцы и другїе дѣтскїе припадки знаками такового вышшаго избранїя.

У Тунгузъ, Бурятъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ называются священнослужители Шаманами; слово же сіе значитъ

воздыхаю-

воздыхающаго пуспынника и обладашела всѣхъ спраспей; у Телеутовъ и проч. Камами или Хамами ш. е. владыками или про- роками; у Якутовъ и проч. Аюнами и Абысами: оба сіи слова сунь пишлы Тапарскихъ священнослужителей; у Семояди Тадыбами, и такъ далѣе.

Шаманы и Шаманки люди простые, и не разнятся отъ прочихъ ни одинакимъ состояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но отличны шокмо по платью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержатъ себя подаяніями и жертвами: однакожъ сверхъ того употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сирѣчь, ловящъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди участвъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемся. По елику священнослужители одни владѣютъ, такъ сказать, ученіемъ, по ихъ, яко посредственниковъ между народомъ и богами, коихъ они умилоствивляють умѣютъ, боясь и почитаютъ, но при томъ не рѣдко и ненавидящъ, когда кто изъ нихъ приличился въ злоупотребленіи своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія: но сіе почитається шемъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. По елику всупленіе въ ихъ должность зависить отъ случайнаго въ оную позова; по Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляютъ должность свою по смерти, другіе же здаютъ оную при жизни своей другимъ. Они отъ часни обмрачиваютъ, а отъ часни обманываютъ, а больше по и другое дѣлаютъ вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки разрешаютъ одѣяніе свое въ томъ намѣреніи, чшобы богамъ бысть угодными, а народу страшными; для приобрѣшенія же въ томъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгускіе, да и всѣ почти Шаманы, носящъ долгое Восточное, больше кожаное платье и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будто усыпано жеспяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, орлиными кохпями, змѣиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. Шалки, которыя
иногда

иногда клобукамъ , а иногда шишкамъ бываютъ подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами , и украшены совиными перьями. Нарядъ такового человѣка и происходящее отъ онаго бречанье , приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ , въ немалой ужасъ. Хипрые Шаманы надѣваютъ такое платье у жертвеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будто бы вселяется въ нихъ при томъ другой духъ. У нѣкоторыхъ народовъ Шаманское служебное платье покороче, у другихъ же обвѣшиваютъ они простое свое платье кожаными лоскутьями, прятпицами, идолами и проч. и утверждаютъ на шапкѣ перьяную шишку.

Главнѣйшее Шаманское орудіе есть барабанъ или бубень. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ фушовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракишника , съ одной только стороны обтянутъ кожей, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладкою, которая служилъ рукояткою. Кожа какъ будто усыпана изображеніями идоловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нутри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ употребляется одна только колопушка , нѣсколько изогнутая и для глухаго звуку обтянутая заячею или иною какою невыдѣланною кожей , а иногда придѣлываются къ ней еще и два рожка , дабы спрашнѣ казалась. Дѣйствіе и сила волшебнаго барабана по ихъ удословренію весьма велики; нѣкоторые удары призываютъ , а другіе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ , гдѣ и священнослужители ходили въ спарыя времена въ походъ , вошли можетъ быть отъ нихъ въ употребленіе и у салдатъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ ладони, длиною въ три фута , обвѣшенные идолами. Бурятскіе Шаманы при моленіи своемъ повертываютъ небольшой значекъ , состоящій изъ лиственичной вѣтви и прятпички. Якуты употребляютъ въ мѣсто онаго конской хвостъ.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ , ни въ жеремяхъ. Они опправляютъ служеніе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ , на холмахъ или возлѣ

лѢ рѣкѢ, у другихъ въ юртахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѢ.

Касающіяся до вѣры понятія нашихъ язычниковъ всѢ вообще неопредѣленны, темны, отъ части перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предмѣстовъ почти все клонится къ одному.

ВсѢ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгузскомъ языкѢ *Боа*, на Бурятскомъ *Тингири Бурхай*, т. е. Богъ небесный, на Телеупскомъ *Кудай*, на Камчадальскомъ *Кутка*, на Ошякскомъ и Вогульскомъ *Троронь*, т. е. свѣтъ, на Семоядскомъ *Нумъ* и *Номъ*, и такъ далѣе. Они думаютъ, что Богъ шварь свою любитъ, всевѣдущъ и всемогущъ: но не уважаетъ чистыхъ дѣлъ человеческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ умилоспивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы отличаются предосудительными своими о Высочайшемъ Существовѣ понятіями. Все, что въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почитаютъ они доказательствомъ недоспащнаго могущества и свѣденія Промысла, и надъ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человеческой; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеупы и Алтайскіе Татары думаютъ, что явленія и опкровенія Всевышняго бываютъ въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на престарѣлаго бороною обросшаго человека, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣянія не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечтаютъ, что онъ имѣетъ великолѣпной придворной шпашъ и множество лошадей; когда онъ ѣздитъ верхомъ, то произходитъ громъ отъ конскаго попоу, а молнія отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенія объ камни на небѣ находящіяся, и такъ далѣе.

Правленіе міра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими божками, копорые правда ему подвластны, однакожъ по большой части поспуающъ своевольно: по чему благоволеніе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенія ихъ о божкахъ перепушаны, прекословны, а отъ чисти и безподковы. Разные народы чшущъ и разныя божества, и приписываютъ имъ такъ же различныя соучастствованія и упражненія. Когда сообразить по возможности ихъ понятія, то выходишь слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣтельствуютъ или прошивуборствуютъ людямъ. Понятія о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, тѣлесны, и нерѣдко совсемъ нелѣпы. Они перемѣшиваютъ такъ же многократно имена и дѣйствія добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленіи міра. Они охотно благодѣтельствуютъ, частно бывающъ приспрасны, будучи оскорблены наказываютъ, поспуающъ по своевольству своему жестоко, и при томъ мстительны. Всѣ качества божіи превворяющъ они въ лица, причисляющъ ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ Финскіе язычники, чшобъ они всшупали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и спрашныя или знанныя земныя тѣла и еспественныя явленія, отъ коихъ производить имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чшущъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знанныя горы и рѣки. Иные почитаютъ горы и воду токмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащіе законъ свой и опправляющіе по оному идолослуженіе съ великою ревностію, имѣющъ обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравія, звѣринаго промыслу, пушешествій, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣшей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ непрязненныхъ божковъ или бѣсовъ не меньше великъ. Они вѣрующъ въ одного верховнаго Сатану и обладающа прочихъ, и называютъ его по большой части Шайтаномъ, Тунгузы Буномъ, Буряшы Окодиломъ, Камчадалы Каиню, и проч.

По

По всеобщемъ божествѣ онѣ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волю нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онѣ можетъ бытъ укрощаемъ и удоспоиваетъ Шамановъ своего благоволенія. Сатаны нижшаго стелени или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещаспїямъ. Подъ Сапанами разумѣютъ они отъ часпи обращенныя въ лица наказанія Божїи, а отъ часпи и самое нещаспїе и зло въ свѣтѣ приключающееся, которое воображаютъ они себѣ самосуществующимъ, и называютъ оное великимъ множествомъ именъ: но все при помѣ перемѣшиваютъ и запутываютъ. Сатаны живутъ по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и естъ у нихъ русалки, земные бѣсы, горные духи, лѣшіе, богъ насѣкомыхъ, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ чтутъ они покойныхъ родоначальниковъ, богатырей и всѣхъ Шамановъ и Шаманокъ, яко полубожковъ или святыхъ, коихъ боги при правленіи мїра употребляютъ такъ, какъ совѣтниковъ или помощниковъ, копорые имѣютъ свѣденіе о преисподней, умѣютъ призывать духовъ, и могутъ подавать помощь и надѣлять щаспїемъ. Безчисленное же множество сихъ святыхъ причиною тому, что они ихъ смѣшиваютъ съ божками и сапанами, и моленія свои возсылаютъ всемъ не къ пѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россїянъ, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по тому молятъ его и о своемъ благополучїи. Божки и святые, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, токмо великолѣпнѣе и удовлетворяютъ нуждамъ своимъ по одною волею, по прудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняютъ, то или пѣшкомъ идутъ или ѣдутъ верхомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ Туй ѣздитъ на шестернѣхъ изрядныхъ собакъ, копорые, еспли вспрепенуся, причиняютъ землетрясеніе; когда во время грозы идетъ дождь, то громовой ихъ богъ Белута выпускаетъ свою мочу. Шалашы, копорые богатые скопомъ Буряты спроятъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонъ лошадей на паству у многихъ скоповодствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, опи-

носятся къ симъ понятіямъ. Нѣкоторые вѣрятъ такъ же, что божки ихъ, въ уполеніе голода, производятъ звѣриной промысль, ловятъ рыбу, вырываютъ коренья, и такъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки являются Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, наибольше въ видѣ медвѣдей, змѣй и совъ: по чему они и воздаютъ живописнымъ симъ чesпѣ. Пихта, нѣкоторый родъ полыни, который у Качинцовъ и другихъ народовъ называется Ирвенемъ, особая права на Камчаткѣ, и инья растѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жертвы оными украшаются, поганья вещи окуриваются, и проч. Нечистыми и въ жертву негодными почитаются свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Воображеніе ихъ о мѣрѣ пресѣкается по большой части на ихъ пустыняхъ. Сложеніе мѣра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, киповыми и другими спервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой человекъ состоитъ изъ тѣла и жизни или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему иные гнѣва боговъ боятся, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любятъ и награждаютъ оказываемое имъ почтеніе, также чesпность и человеклюбіе; ненавидятъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро человекъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшитъ можетъ. Боги не заботятся о томъ, дѣннѣ ли человекъ или прилеженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьетъ, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питается, и такъ далѣе. Сапаны вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. Благополучіе состоитъ въ здоровьѣ,

здоровьѢ, изобиліи скота и дѣшей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѢ, рыбной ловлѢ и плодотворности; *несчастіе* же въ противномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

ВсѢ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будучи живы: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажется имъ по большей части мерзостью и спрашивается всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самые покойники ихъ ужасаютъ. Они боясь ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе идучи обратнo съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривленіями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они скачутъ черезъ огонь, лазятъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы ее темъ поддержать; по томъ окуриваютъ себя и хижины, либо покидаютъ оныя, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не назывались темъ именемъ, переименовываютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бытійшвенныхъ свѣденій. Кончину почитаютъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше считаютъ ее горестною и ни мало желанія недостойною. Тамъ живутъ одни только души да души, копорыя присвояютъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками животнохъ и вещамъ, и по тому почитаютъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они такъ же, какъ и покойники, исплѣваютъ. Въ преисподней владычествуютъ земные души, старающіеся причинить умершимъ много зла: по чему Телеушскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклиняютъ и секирными размахами удержатъ стараются; многіе же, а особливо въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ обитающіе, спавяютъ покойниковъ своихъ на деревья или ославляютъ ихъ для исплѣнія поверьхъ земли, либо и сожигаютъ, единственно для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Спада ихъ остаются на семъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ платья, домашняго скарбу, оружія, и убитыхъ звѣрей, то служитъ имъ только на разводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скотина по

окончаніи ея жизни явился въ преисподней почно пакъ , какъ и ея хозяева : но она умираетъ исподоволь и доставшись другимъ хозяевамъ. Будутъ ли пакъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли пакія угодья , какія естъ поверхъ земли , весьма еще сомнительно ; за мужьями послѣдуютъ туда успарѣлыя жены , и пакъ далѣе. Обижающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и островскіе жипели почитаютъ будущую жизнь исправленнымъ продолженіемъ нынѣшней , и ожидаютъ пакъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихотей , стадъ , пригожихъ цуговъ собакъ , удачныхъ звѣриныхъ промысловъ , проворныхъ бабъ или мужей , и всего того , что бываетъ здѣсь предмѣтами ихъ желаній , хопя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не спрашася , но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодностію духа оной предаютъ , поднимая сами на себя руки. По елику Христіана чаютъ себѣ послѣ смерти царствія небснаго безъ всѣхъ паковыхъ благостей , то сожальютъ они объ нихъ и радуются своему блаженству. Шаманы умираютъ по большой часпи великодушно. По елику они при жизни упражняются въ умилоспивленіи боговъ и злыхъ духовъ , почитаютъ свои волшебства за нужныя , и причисляются по смерти къ святымъ , имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ ; то ожидаютъ себѣ впредь благой участпи. Для избѣжанія искушеній земныхъ духовъ и для собственнаго своего очищенія , приказываютъ по большой часпи пѣла свои по смерти сжигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискать себѣ благоволеніе боговъ и ихъ умилоспивить идолами , моленіями и жертвами : большая ихъ половина считаешь дѣло сіе поль важнымъ , что нынѣшнее свое уничиженіе , а опъ часпи и бѣдность , приписываютъ нераченію своихъ прародипелей о ихъ служеніи.

Идолы , копорые по понятіямъ разумнѣйшихъ суть подобія божковъ , а по мнѣніямъ глупыхъ самыя божки , дѣлаются по большой часпи Шаманами изъ спранныхъ опростковъ деревъ и изъ каменныхъ опломковъ , копорые покажутся подобными

ными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменные горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почищаются идолами, какъ н. п. Шаманская гора въ Восточной сторонѣ оубъ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бывающъ и большіе и малые, рѣзные, набивные или спранныго вида куклы. Деревянные кукольные идолы, которые у Тунгузъ Шовоками, у Камчадалъ Камулами, у Бурятъ Онгонами называются, длиною бывающъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Бурятской божокъ борьбы (Имегильшинъ) паковая же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракипнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. Чучальные или набивные идолы употребляются у Якутъ, Чулымцовъ, Телеутовъ, Алтайскихъ Татаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ Шайтанами; Телеуты же дѣлаютъ и поменѣ, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину пюфячекъ, съ одного конца разписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или драбинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ Чалусами. Бурятской барашковой идолъ есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. Жестяные идолы въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваются больше къ Шаманскому плащю, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, птицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и спихій. Человѣческое лицо значитъ солнце, полукругъ луну, суденышко воду, преугольникъ огонь, решетка землю и такъ далѣе. Войлочные идолы, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ употребленіи у Бурятъ и Якутъ. Бурятской Иргекинъ есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. Малеванные идолы, называемые у Бурятъ Ногами, и употребляемые многими народами, суть начертанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву швари, или и краснымъ карандашомъ; длиною

они

они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы спавяшъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвиваютъ особою шравою и почиашъ ихъ божественными. Они дѣлаютъ также изъ разныхъ правъ чучелы подобныя волкамъ, и спавяшъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идоловъ; чучелы сіи называются у нихъ Хайту. Чилчилканъ лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія воропы изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву пшцы. Дой ихъ есть стоячій крестъ съ распятою пшцею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они Богг. Тисъ Качинской есть подобная вилокъ пычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ пшцъ. Легко можно разсудить, что всѣ сіи святоспи при недоспажкѣ вкуса, искусства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, отъ часпи не примѣшны, и не годящя ниже дѣтямъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почти жертвоприношеніи получаютъ новаго идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеушы спавяшъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юртѣ на лѣвой споронѣ, а въ лѣшнее время передъ юртою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, состоящемъ изъ прехъ колышковъ (Шонанъ); Качинской Тусъ спавишя на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ спадъ или шабуновъ спрояшя хижины (Обо) на горахъ; въ которыхъ идоловъ кладутъ они въ ящички, и проч. У идоловъ висятъ всегда шкурки съ ласпочекъ, горноспаевъ, и другихъ звѣрковъ, также кости принесенныхъ въ жертву животныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жертвы. Почпи всѣ язычники воздаютъ идоламъ своимъ почтеніе, покланяются имъ, шворя при томъ молишву, берутъ ихъ съ собою, когда идутъ на звѣриной промысль, пипашъ или мажутъ ихъ кровью и жиромъ, окуривашъ ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, ирвенемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощаспидивишя,

ливится, ругаютъ ихъ, попрекаютъ почестями, какія имъ воздаются, бросающъ ихъ обв землю или въ воду, а иногда и колошатъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и торжественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молятся съ пустыми руками, то не надѣются много себѣ добра получить: и по тому торжественныя мольбы приносятъ съ жертвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году при праздника, а именно: *вешній, лѣтній и осѣнный*. Вешній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жертвуютъ въ сіе время первую праву и первенцовъ отъ сноха, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожъ разполагается всегда такъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въ ономъ участіе.

Въ жертву или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, пшеницы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, пварогъ и сыръ, подоженной хлѣбъ (Курмачъ), пиво, вино, маперіи, деньги и почпи все вообще. Воспочные Сибиряки приносятъ въ жертву и собакъ. Пихтовья вѣшви жертвуютъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественнаго богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, нѣсколько опмѣнны. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жертвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторые Шаманы дѣлаютъ сіе особенно, другіе все вмѣстѣ, и приносятъ жертвы свои совокупно какъ для умилоспивленія боговъ, такъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда Телеуты празднуютъ *вешній* свой праздникъ, то мѣряне обоихъ половъ, прибравшись чиспенько, собираются въ полѣ около Кама, копорый бьетъ въ бубенъ, по томъ молился, и въ продолженіе молитвы брызгаетъ молоко и пиво, и посыпаетъ

Курмачъ; послѣ чего Ъспѣ самъ нѣсколько опѣ онаго и надѣляетъ по немногу мѣрянъ, которые ѣдятъ даръ его съ благоговѣнїемъ. На послѣдокъ бросаетъ онъ мощную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жертва: ежели чаша упадетъ стоймя; то почитаетъ жертву угодною, а ежели опрокинется, неудобною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ разпиваньемъ остатка пива и молока. У Качинцовъ разводитъ Камне для вешняго праздника (Урысѣ) на рѣчномъ берегу или на казиспомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приноситъ моленіе повертывая небольшой значекъ, и брызжетъ по немногу кислаго молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на концѣ по же самое дѣлаетъ и на долю Сашаны. Остаткомъ священнаго молока кропитъ всякъ въ своей юртѣ все; а что за шемъ останется, выпиваютъ обще. У Якутѣ приноситъ Аюнъ въ жертву перваго удою молоко во всякой юртѣ, швора припомъ молитву и повертывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и святыхъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ помъ мѣнїи, чшобы ихъ онымъ попомчивать: сіе дѣлаетъ онъ проекрапно. Изъ остатка въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глошокъ; всѣмъ же собравшимся мѣрянамъ, которые опѣ части стоятъ на колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки извѣсняетъ имъ мѣнїя божковъ. Тунгузы и Буряты празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и Телеуцы, съ тою только разностию, чшо оба сіи народы, сверхъ молока, приносятъ еще въ жертву и свѣжую праву. То же дѣлаютъ и прочіе народы съ небольшою токмо опмѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у Телеутѣ въ Октябрѣ. Жители деревни приносятъ всемъ мѣромъ на выборномъ жертвенномъ мѣстѣ (Таупига) молодую лошадь въ жертву. Мѣряне спановяшся кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жертвенной срубъ или жертвенникъ (Ташкашѣ) изъ столбовъ и хворосту. Камъ барабанитъ и молится; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ съ нее шкуру такъ, чшо копыта, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обрѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ внутренностию, и спавятъ богамъ на жертвенникъ, гдѣ оно и стоитъ

стоитъ до тѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. На послѣдокъ сѣбѣдаютъ сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шестъ головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на веревочкѣ зачѣи шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ въ томъ участіе. Буряты приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Санге Гаара п. е. бѣлый мѣсяцъ) лошадей, рогатой скотъ, овецъ и козъ. Тупъ приносятся у нихъ, какъ и у Телеутовъ, въ жертву всѣ оныя живошныя по порядку, и по томъ сѣбѣдаются. Они убиваютъ таковыхъ живошныхъ пораженіемъ въ грудь и изпорженіемъ большой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ пряпичнымъ идоламъ (Нугитъ и Ногашъ), которыхъ прикрѣпляютъ къ небольшой палаткѣ. Они спавяютъ также березовые кусты, и привѣшиваютъ къ нимъ пряпицы какъ будто значки, которыхъ движеніе почишаютъ они, по примѣру Ламайскихъ язычниковъ, молитвами. Нечистоту изъ нупренности и все, чего не ѣдятъ, сожигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ живошныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпяливаютъ ихъ на ушверженныхъ стоймя шестахъ: послѣ чего, пока споятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шелятъ: они привѣшиваютъ ихъ въ таковомъ намѣреніи къ разпянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ совиныя перья и молитвенные значки. Якутскіе и другихъ народовъ праздники симъ подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе опмѣнны. О питаніи и окуриваніи идиоловъ сказано уже выше. Курильцы послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ въ жертву шкуру съ первоубитаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юршою. Камчадалы при нещастіяхъ кидаютъ въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. Коряки взопкнувъ собачью или оленью голову на колъ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и творятъ у оной при спукѣ въ волшебные барабаны молитвы. Телеуты въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ въ жертву зайца, котораго шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной поклоняются. Обыкновенныя домашнія жертвы

состоятъ вообще въ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ живошныхъ. При великихъ заботахъ приносятъ въ жертву и большихъ живошныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпяливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ точно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Въ нупешествіяхъ приносятъ въ жертву горамъ и рѣкамъ, черезъ которыя переправляются, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жертву горѣ вѣшаютъ на вершинѣ на дерево, которое *Тунгузы* называютъ *Налакитомъ*. Огню при всякомъ случаѣ приносятъ такія же малыя жертвы, равно сало или кровь, которую въ огонь бросаютъ. У покойниковъ приносятъ въ жертву обыкновенно большую живошину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться духами живошныхъ; по же самое дѣлаютъ они обыкновенно и на нѣкоторыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесенныхъ въ жертву живошныхъ развѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежатъ конечно и посвященіе дворовой скотины. Скопководствующіе народы дѣлаютъ сіе въ помѣ намѣреніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкоторыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все стадо на одинъ или и на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ вѣдятъ ночью верхомъ на посвященныхъ имъ скопинахъ; и при томъ утверждаютъ, что часто видятъ ихъ по ушрамъ въ поту. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оныя въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ спановятся еще бодрѣ. На посвященную лошадь опнюдь не должно класть подержаннаго сѣдла, не садиться на нее женьщинѣ, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно онымъ пользоваться, но не долженъ такъ же въ продолженіе того времени, на которое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ниже дарить.

Когда

Когда Буряты посвящаютъ лошадь, то не разбираютъ при томъ ни шерсти, ни роду. Шаманъ приноситъ въ жертву у огня по немногу молока, сыру или шворогу, и молочное вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваетъ онъ молокомъ. Онъ молился повертывая небольшимъ значкомъ, которой на огнѣ поджигаетъ и дымъ пускаетъ лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную сторону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. На послѣдокъ ставитъ онъ лошади на спину молочную чашу и пускаетъ ее въ степь. По паденію чаши узнаетъ онъ, угоднали или пропивна богамъ сія живая жертва. *Стелные Тунгузы* поступаютъ съ своими божьими лошадьми (Ганганъ) совершенно сходно, а *Телеуты* со своими (Іекъ) почти такъ же. *Качицды* окуриваютъ при семъ случаѣ живописныхъ ирвенемъ.

При праздничныхъ и другихъ моленіяхъ оказываютъ къ божкамъ спрахъ, а опъ часпи и благоговѣніе. Всѣ ихъ молитвы опривиспы, и у проспаго челозѣка сосноятъ единспвенно во вздохахъ опносящихся къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молитвы спановаятся лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ поставленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращаютъ они прямо къ извѣстнымъ имъ именно божествамъ, сатанамъ и святымъ совокупно, опъ часпи черезъ перебивку ихъ именъ, а опъ часпи и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призываютъ. На примѣрѣ: Богъ, имя рекъ, или боги и святыя! надѣлите меня или моихъ домочадцовъ здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ звѣринымъ промысломъ, и проч. Когда приносятъ жертву, то просятъ о воздаяніи. Боги! и проч. жертву сію приношу вамъ! или пипаю васъ оною; надѣлите и вы меня взаимно дѣтьми, скотомъ, дождоенствіемъ, отвратите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня и проч. Смертныхъ спраховъ сіи холонокровные проспаки ни какъ сносить не могутъ, и для опвращенія смерти гошовой все сдѣлашь. Боговъ укоряютъ, поламышвая у себя руки, а иногда и безчинно: чемъ я васъ огорчилъ, боги! сатаны! (Шайтаны) святыя! что вы меня съ земли покищаете? въ чемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, приятель и проч. что вы его умерщвляете, что предаете ихъ богамъ преис-

подней и проч. Въ случаѣ же нещастій роняютъ такъ: въ чемъ я провинился, что скотину мою терзаютъ хищныя звѣри, что стрѣлы мои не поражаютъ звѣрей. Шаманы имѣютъ нѣкоторыя при жертвоприношеніи и въ праздники чинаемыя порядочныя молибвы, которыя они единственно по обстоятельству перемѣняютъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и святыхъ, также заклинанія, угрозы и обѣты сашанамъ: при чемъ однакожъ перепутываютъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая и. н. Телеутская молибва гласитъ въ переводѣ такъ: Боже! Царю неба (Кудай Кайра Камб)! возри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долгоденствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе. Молибвы Шаманскія у Тунгузъ, Буриятъ, и проч. походятъ на наши експиніи. Молибвы свои они выдѣляютъ, называютъ поимянно одно божество за другимъ, и просятъ у каждаго шогѣ, что отъ него зависитъ, какъ на примѣрѣ у солнца ведра, у бога женъ дѣтей, у бога звѣрей дичины, и такъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предшательства. И они перемѣшиваютъ многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаютъ они возбудить въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созванъ вмѣстѣ, поютъ у жертвеннаго огня слѣдующее: Боже! даруй здравіе! не полпусти звѣрямъ меня разтерзать, предохрани меня отъ паденія съ горы, отъ потопленія въ водѣ! надѣли дѣтьями, скотомъ, дичью, рыбами! (и другими надобностями, которыя у всѣхъ въ разсужденіи проспаго и единообразнаго житія почти одинаковы). Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рыбу, поставляемъ тебѣ идола и проч. Міряне провозглашаютъ на всякомъ отрывѣ рѣчи попеременно: услыши! (Го!) услыши насъ! (Гегеа!) помоги! умилосердись! что они часто по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ на послѣдокъ только боговъ и святыхъ поимянно, и не прерываютъ возгласенія народа: услыши, умилосердись, пособи!

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, которыя предпринимаютъ они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богамъ и святымъ

святымъ моленія, непосредственно производящъ ихъ послѣ моливѣ, споль безполковы, а опѣ часни и поль явно на обманѣ основаны, что опнюдь не достойны поий поноровки и сожалѣнїя, какихъ могущѣ пребовашъ сїи язычники, при добромъ намѣренїи своего богослуженїя руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нещпными преданїями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безполковы, прошивны здравому разсудку, обаяпельны, презрѣнїя и сожалѣнїя достойны.

Сколь ни мало связи между обаянїями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ при почнѣшемъ разсмаприванїи оныхъ оказывается, что всѣ они одинакую имѣющѣ цѣль. Шаманское суевѣрїе присвояетъ бѣсамъ великое могущество и власпъ въ естеспенныхъ явленїяхъ и судьбахъ человѣческихъ, разпускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣту, и присвояетъ имъ способность, наблюдать все и роду человѣческому вредить. Священнослужители и волшебники хваспающѣ, будпо они имѣющѣ знакомство съ духами, будпо обходятся съ дѣволами по дружески, будпо имѣющѣ надъ ними власпъ и знаютъ средство ихъ выспрашивать, усмирять, а иногда и получаютъ чрезъ нихъ добро. Они разговариваютъ съ ними посредствомъ бубна. Опѣ вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнаютъ они причины благоволенїя, гнѣва и ненависти боговъ, способы къ ихъ умилоспивленїю, знанїе прошедшихъ и будущихъ судебъ; получаютъ также чрезъ нихъ извѣстїя изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ щастїи и нещастїи дѣлать великїя перемѣны, дарованїе полковать сны, предсказывать, и пакъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтенїе къ священнослужителямъ, утверждаются на семъ заблужденїи: и по тому сїи послѣднїе какъ неистовые обаятели, а опѣ часни какъ обманушые бродяги, почитающїе самое существо дѣла истиннымъ, ревностно его подкрѣпляютъ; опѣ чего происходитъ въ обрядахъ волшебства нарочитая, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описанїе разныхъ волшебныхъ и заклинательныхъ хитростей по причинѣ очевиднаго дурачества и сходспвенности возбудило

возбудило бы во многихъ негодование, и для того предложу здѣсь вкратцѣ покло то, что поважиѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хопятъ узнать о чемъ ни будь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайпановъ, Бунисовъ Окодилловъ и всего преисподняго собора духовъ, пакже освѣдомиться о своихъ и постороннихъ судьбахъ, навѣдаются о причинахъ болѣзней и несчастій, вступивъ въ переговоры съ огорченными богами, или укропиль и закласяъ бѣсовъ; то производятъ, предпринявъ таковое дѣло, свойственныя сумасшедшимъ шалости, и кажутся отъ часпи свирѣпѣющими. Надѣвъ на себя Шаманское платье и разведши огонь, курятъ обыкновенно съ ужасомъ пабакъ, часпо вздрогиваютъ, и на послѣдокъ впадаютъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ бѣенія въ волшебной бубенъ. Они дѣлаютъ при томъ крайне странныя скачки около огня и черезъ оной, кривятъ ротъ, размахиваютъ руками, кричатъ и режутъ безполковщину, и зовутъ духовъ поимяно; видѣтъ и слушаютъ все сіе въ темнотѣ при глухомъ спукѣ въ барабанъ и бренчанъ навѣшанныхъ на Шаманское платье вещей, спрашно. Спустя съ полчаса припворяются они какъ будто бы явились уже бѣсы, и какъ будто бы они съ ними сражаются. Они спрашиваютъ, грозятъ, просятъ, общаютъ, наказываютъ имъ кое что, и такъ далѣе. Когда хопятъ узнать ихъ отвѣтъ, то бросаютъ въ верхъ барабанную колодушку, или иное что изъ вещей, ношенныхъ темъ, до кого отвѣтъ касаться будетъ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ таковой вещи получается и отвѣтъ, и по томъ совываютъ голову въ бубенъ, слушаютъ со вниманіемъ, дрожатъ, вскрикиваютъ и потѣютъ. Якушскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предвѣщаютъ, будто при таковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ разлучается съ тѣломъ. Разказавъ предварительно нѣкоторыя безполковыя выдумки, падаютъ замертво на земь, по тому, что будто душа отъ тѣла ихъ отлучается, посѣщаетъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропастьяхъ и проч. и тамъ съ ними переговариваетъ. Души путешествуя шуда на медвѣдяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По томъ утверждаютъ всѣ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей,

бедей, жуковъ пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣтъ какой или тѣнь. Отвѣты даваемые ими, бываютъ, смотря по вопросамъ, прорицаніями, преисполненными въ прочемъ прикрасами и сомнѣніями; по чему почти всегда сбываются: часно болтающъ они много и о состояніи отсутствующихъ или о будущей людей участи. Не лзя бы и ожидать отъ столько непроевѣщенныхъ людей споль замысловатыхъ толкованій, какія они подающъ часно не думавши и не взявши хорошенько въ толкъ вопроса.

Кромѣ сего высшаго волшебства есть у всѣхъ язычниковъ еще и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и простолюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсяцословщиковъ, Цыганъ и нашихъ карточныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. Красноярскіе волшебники (Едачи) и многіе другіе бросающъ въ огонь овечью лопатку, и узнающъ по трещинамъ и пяпнамъ, какія на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. Тунгузскимъ и другимъ предсказателямъ извѣданіе пущенной стрѣлы или прясеніе напянутой шепивы служилъ отвѣтомъ на всѣ вопросы на удобопонятномъ языкѣ. Телеутскіе, Заянскіе и Абинцскіе мудрецы все уразумѣвающъ по тѣмъ изображеніямъ волшебнаго барабана, на которыхъ лягушъ сорокъ брошенныхъ въ верхъ палочекъ. Якутскіе Аюны вручающъ шому, кто хочешъ знать будущую свою судьбу, монету или перстень, и узнающъ по шомъ по рукъ вѣрующаго все совершенно явственно. Для возбужденія вѣтру, привѣшивающъ они пузырной камень какого ни есть живошнаго вмѣстѣ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говорящъ при шомъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу; не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.*

При всей темнотѣ и нестройности Шаманскаго язычества, а особливо толкованія о богахъ, не лзя не признавать въ немъ общихъ понятій естественной вѣры, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ Моисеева закона; жертвенные огни, жертвоприношенія и посвященія жертвъ, моленія, мнѣнія о оскверненіяхъ женъ

чрезъ естественныя перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Иудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ противоборствуетъ во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относятся къ чувствен-нымъ предмѣнамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельство, и со-отвѣтственное ихъ пустынямъ суровое, отъ части и бѣдное, жище, которое совсемъ препятствуетъ обучать дѣшею и по-рядочно воспитывать. По разрушеніи же таковыхъ препят-ствій, можно бы сихъ, по большей части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ опроверженію своихъ суемыслей и къ принятію основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

RVC-777
Teopri
3.

Rariteet

ENSV Riiklik Avalik Raamatukogu

9946 L

